К. Е. Абрамовъ.

ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАЮ.

I. Отъ Москвы до Усть-Сысольска. Разсказы о зырянской старинѣ. Зыряне и ихъ просвѣщеніе св. Стефаномъ Пермскимъ. Первое знакомство съ зырянами.

II. Керка-нюръ. Осенняя охота въ зырянской тайгѣ на глухарей. Зырянскій „путикъ". Встрѣча съ рыбаками. Нравы и суевѣріе зырянъ.

III. Бѣлкованье. Сборы на промыселъ. Дорога къ зимовью. Охота на бѣлку съ лайками. Кочеваніе бѣлки, ея привычки и образъ жизни. Охота на рябчиковъ и глухаря. Зырянскія ловушки на звѣрей и птицъ. Зырянская пѣсня.

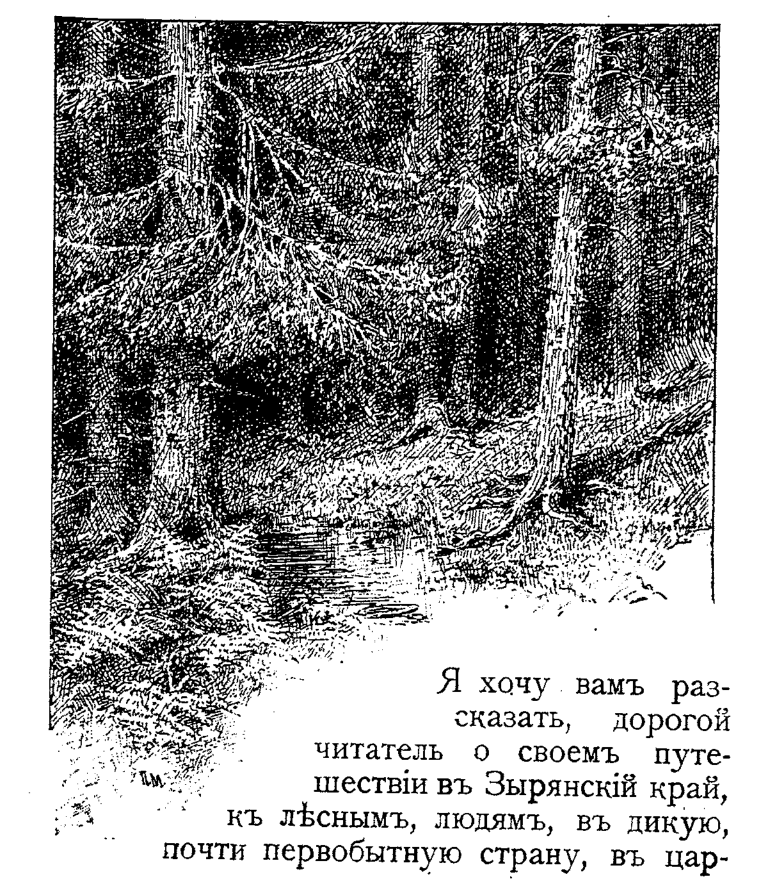
IV. Въ Починкѣ Човскомъ. Зырянская свадьба. Охота на медвѣдя.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО СКЛАДА
Торговаго Дома „С. КУРНИНЪ и К°".
Москва, Никольская ул., Чижовское подв.
1914 г.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., д. № 5
1914.

Въ Зырянскомъ краю.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я хочу вамъ разсказать, дорогой читатель о своемъ путешествіи въ Зырянскій край, къ лѣснымъ, людямъ, въ дикую, почти первобытную страну, въ цар-

ство дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ и широкихъ, полноводныхъ рѣкъ.

Иногда хорошо оставить далеко позади себя большіе, шумные города съ ихъ лихорадочной сутолокой, неудержимымъ стремленіемъ куда-то впередъ, и перенестись въ иной міръ—въ міръ дѣвственной природы и людей еще сохранившихъ во всей чистотѣ свою связь съ нею и простоту своего быта.

Конечно, въ лѣсномъ краю, на далекомъ сѣверѣ, мы не встрѣтимъ яркихъ красокъ; природа тамъ величественна, но сурова и угрюма, небо блѣдно, земля холодна и скупа на свои дары, люди просты и сѣры, но и ихъ несложная жизнь интересна для насъ.

Зырянскій край затерялся въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ; онъ отгородился ими отъ всего остального міра и, благодаря этому, сохранилъ свою самобытность; онъ является какъ бы чудесно сохранившимся осколкомъ сѣдой старины, уцѣлѣвшей родиной бабы-яги, проказника лѣшаго, дѣдки водяного и другихъ дѣйствующихъ лицъ нашей народной сказки.

Однако, прежде чѣмъ начать свое повѣствованіе, я попрошу васъ, дорогой читатель, вообразить себя путешествующимъ на аэропланѣ. Чудная панорама открывается нашимъ взорамъ: подъ нами равнина, покрытая темно-зеленымъ ковромъ хвойныхъ лѣсовъ и изрѣзанная широкими лентами рѣкъ.

На югѣ и западѣ лѣса еще рѣдки, здѣсь они тянутся громадными, но отдѣльными волоками, между которыми зеленѣютъ обширныя, засѣянныя рожью, ячменемъ и овсомъ поля, съ утопающими въ нихъ селеніями, бѣлыми богатыми храмами и часовнями.

Но чѣмъ дальше на сѣверъ летимъ мы, тѣмъ слабѣе, незамѣтнѣе становятся слѣды человѣка и тѣмъ сильнѣе первобытная власть лѣса. Здѣсь разстоянія между волоками уменьшаются и, наконецъ, совершенно исчезаютъ, и зеленый коверъ краснолѣсья становится сплошнымъ; чистыя, свободныя отъ лѣса пространства земли мы встрѣтимъ лишь по теченію рѣкъ, тамъ, гдѣ рѣки отвоевали себѣ немного простора для разгула своихъ вешнихъ водъ.

Въ рѣчныхъ долинахъ, поймахъ, преобладаютъ лиственныя породы деревьевъ, чернолѣсье, разбросанное отдѣльными, отъемными островами по изумрудной зелени луговъ. И человѣкъ тутъ жмется къ водѣ — вдали отъ рѣки мы не встрѣтимъ теперь ни одного жилища.

Но вотъ мы въ центрѣ Зырянскаго края — паримъ надъ верховьями р. Вычегды; теперь давайте задержимся немного и оглянемся вокругъ. На сѣверо-востокѣ отъ насъ широкой, голубой лентой извивается царица сѣверныхъ водъ—Печора; она течетъ средь дремучихъ пустынныхъ лѣсовъ Печорскаго края, принимаетъ справа, съ западныхъ отроговъ Урала бѣшеный

Щугоръ, а слѣва Ижму и уходитъ въ Архангельскую губернію; тамъ она становится все шире, все полноводнѣе и, миновавъ зону (поясъ) лѣсовъ, несетъ свои холодныя воды средь мховъ и болотъ Тиманской тундры къ великому Ледовитому океану. Прямо на сѣверъ безлѣсной и плоской равниной раскинулась пустынная, унылая тундра, земля оленей и самоѣдовъ.

На востокѣ тянется горная цѣпь Сѣвернаго Урала съ его вершиной Телъ-поз-изом *)—это уже преддверіе Азіи.

Все сѣверное Пріуралье и земли, примыкающія къ Печорѣ, сплошь дичь и глушь страшная, непроходимая, и едва обитаемая; тайга здѣсь все еще полновластно царитъ, а человѣкъ пока еще только робко пытается зажить осѣдло и прочно въ ея глуши.

Въ Печорѣ, такъ зовутъ зыряне этотъ дикій, пустынный край, почти нѣтъ дорогъ и иныхъ путей сообщенія кромѣ рѣкъ; во всемъ краю съ запада къ р. Печорѣ идетъ чуть набитая дорога, на протяженіи всего какихъ-нибудь 150 верстъ, и на ней ни села, ни починка, есть только всего на-всего четыре зимовья (курныя избушки охотниковъ).

Теперь оглянемся назадъ, на путь, который мы пролетѣли: внизу, подъ нами, быстро бѣгутъ воды Эжвы (зырянское имя Вычегды); это

---

*) Телъ-поз-из—Каменное гнѣздо вѣтра.

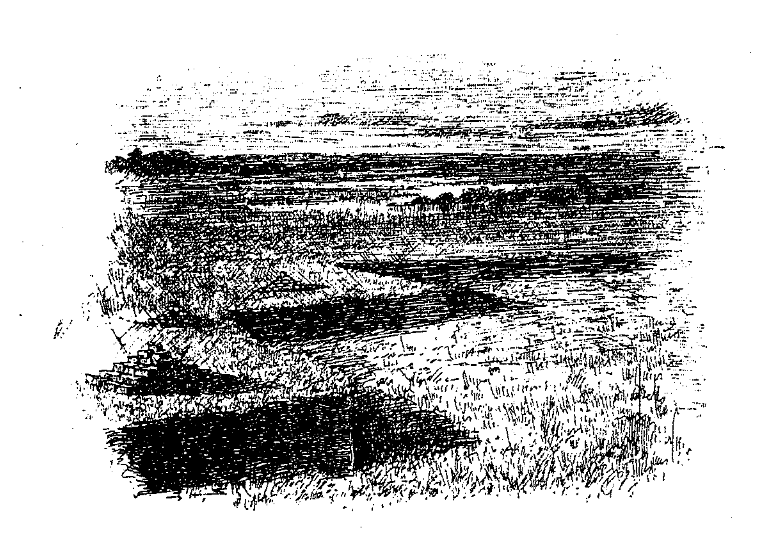
царица зырянскихъ рѣкъ и главная артерія всей жизни края. Много рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ принимаетъ въ свое лоно Эжва на протяженіи своего почти тысячеверстнаго теченія; въ верховьяхъ своихъ она еще небольшая, лѣсная рѣчка, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше набираетъ она воды и уже въ среднемъ своемъ теченіи становится большой, судоходной рѣкой.

Съ юга на сліяніе съ Вычегдой бѣжитъ Сысола и впадаетъ въ нее около зырянской столицы Сыктыл-каре или, попросту, уѣзднаго города Усть-Сысольска. Почти на самомъ югѣ края, недалеко отъ границы Вятской губерніи, густыми, высокими пармами (еловыми лѣсами) быстро мчится не широкая, но полноводная Луза, притокъ р. Юга, впадающаго около гор. В. Устюга въ Малую Сѣверную Двину. Коегдѣ въ зеленой оправѣ тайги блестятъ зеркала громадныхъ озеръ: на сѣверѣ озеро Синдорское, на востокѣ Дон-ты, наконецъ, озера Кадомское и Гурдей...

Итакъ, съ аэроплана мы видимъ внизу плоскую равнину, прямое продолженіе Великой Русской равнины, основными стихіями которой являются лѣсъ и вода. На сѣверѣ эти лѣса переходятъ въ тундру, на востокѣ ползутъ на склоны Урала и, переваливъ за горный хребетъ, сливаются съ родственной имъ Сибирской тайгою, а на югѣ и на западѣ они уступаютъ уже напору культуры, топору и плугу земледѣльца,

постепенно рѣдѣютъ и принимаютъ видъ отдѣльныхъ волоковъ.

Теперь мы спустимся внизъ и покинемъ нашъ аэропланъ; для того, чтобы поближе познакомиться съ людьми, населяющими этотъ край, намъ придется путешествовать и на пароходѣ, и въ лодкѣ, и пѣшкомъ, и на лыжахъ, въ зависимости отъ того, когда и гдѣ мы будемъ находиться.

Отъ Москвы до Усть-Сысольска.

Дорожные разсказы о зырянской старинѣ.—Зыряне язычники и ихъ просвѣщенiе Св. Стефавомъ Пермскимъ.—Первое знакомство съ зырянами.

Въ первыхъ числахъ августа 190. года я сѣлъ въ вагонъ Ярославской желѣзной дороги, и поѣздъ быстро помчалъ меня на сѣверъ. Ночью я миновалъ Ярославль и на другой день къ вечеру очутился въ Вологдѣ, откуда мнѣ пришлось ѣхать дальше уже на пароходѣ по р.р.

Вологдѣ, Сухонѣ, Малой Сѣвер. Двинѣ и Вычегдѣ, до самой Зырянской столицы, уѣзднаго города Усть-Сысольска. Меня въ моей поѣздкѣ сопровождалъ только мой старый другъ— ирландскій сеттеръ Гастонъ, да ружье, съ которымъ я предполагалъ побродить по дебрямъ Зырянскаго края.

Я не стану описывать городовъ, Ярославля и Вологды, не стану также разсказывать и о томъ, какъ ѣхалъ на пароходѣ сначала по маленькой рѣчкѣ Вологдѣ, по мелководной Сухонѣ, потомъ по широкой, могучей Двинѣ и лѣсистой Вычегдѣ, скажу только, что высокіе, скалистые берега Сухоны очень красивы и живописны.

Мой Гастонъ, благодаря своему живому и общительному нраву, очень быстро перезнакомился со всѣми пассажирами парохода; онъ въ первый же день пути сталъ общимъ любимцемъ, а это дало возможность и мнѣ скоро сойтись съ попутчиками, и время у насъ въ каютѣ проходило въ оживленныхъ разговорахъ.

Узнавъ, что я ѣду въ Усть-Сысольскъ, къ зырянамъ, съ тѣмъ, чтобы наблюдать ихъ жизнь и нравы, мои попутчики наперерывъ старались обрисовать мнѣ этотъ народъ и его обычаи. Въ числѣ пассажировъ находился также одинъ священникъ изъ села Зеленецъ; онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго изъ исторіи просвѣщенія зырянъ св. Стефаномъ. Въ старину зыряне были язычниками, они поклонялись ели, кедру,

соснѣ и березѣ, какъ божествамъ, и жили бѣдно и замкнуто въ своихъ дремучихъ лѣсахъ; у нихъ были кумирницы и множество кумировъ, но преданіе сохранило намъ только имена двухъ главныхъ идоловъ—Іомалы и Вой-пеля.*) Іомала былъ гнѣвное, сварливое божество, изображавшееся въ видѣ старой, злой бабы; еще и сейчасъ у зырянъ есть поговорка: „Іома баба, кодь лёкъ", т.-е. зла баба, какъ Іома.

Почтеніе къ этимъ идоламъ было большое: въ кумирницы, управляемыя чародѣями, народъ стекался во множествѣ для поклоненія богамъ; усердные язычники приносили въ жертву идоламъ различныя дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, выдръ, лисицъ, рассомахъ, куницъ и др.

Эти приношенія считались собственностью идоловъ и, по преданіямъ, употреблялись на ихъ украшенія; никто не осмѣливался пользоваться этими дарами изъ опасенія лишиться благодѣяній боговъ: нечаянно быть постигнутымъ лютою болѣзнью, или навсегда лишиться охотничьяго счастья и удачи, что для зырянина является самымъ горькимъ несчастьемъ. Откуда-то, еще до появленія христіанства, зыряне узнали о существованіи Единаго Бога, котораго они называли Ен; но Ен, по понятіямъ зырянъ, обиталъ въ надзвѣздномъ мірѣ, ему не было дѣла до

---

*) Вой-пель—Ночное ухо.

земли и людей, и поэтому зыряне не дѣлали его изображенiй, не посвящали ему кумирницъ и не приносили жертвъ. Просвѣтителемъ зырянъ явился сынъ причетника, родомъ изъ Великаго Устюга, по имени Стефанъ Храпъ.

Задумавъ (во второй половинѣ столѣтiя) просвѣтить зырянъ, онъ испросилъ благословенiе у тогдашняго московскаго митрополита Герасима и, сопровождаемый своимъ помощникомъ, монахомъ Кукшею, безстрашно углубился въ языческую страну и началъ, какъ говоритъ его лѣтопись: „проповѣдовати средь народа злого, строптива и развращенна истинный свѣтъ Христова ученiя".

Онъ уничтожалъ кумирни, низвергалъ идоловъ и сжигалъ дорогiе мѣха и др. жертвоприношенiя. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ сохранившееся преданiе: „самого же кумира прежде въ лобъ обухомъ ударяше, потомъ изсѣкаше на мелкiя полѣнца и вкупе вся сожигаша; себѣ же не взимаше отъ тѣхъ ничесо же и никому отъ вѣрныхъ не повеле взяти: ни златое, ни серебряное, ни мѣдь или желѣзо, или олово— или иное что".

Не сразу покорилось язычество, не разъ народъ, подстрекаемый жрецами и волхвами, нападалъ на проповѣдниковъ и грозилъ имъ убiйствомъ. Первая церковь св. Стефаномъ была поставлена въ селѣ Усть-Вымь, при впаденiи рѣки Выми въ Вычегду, и первое время вѣ-

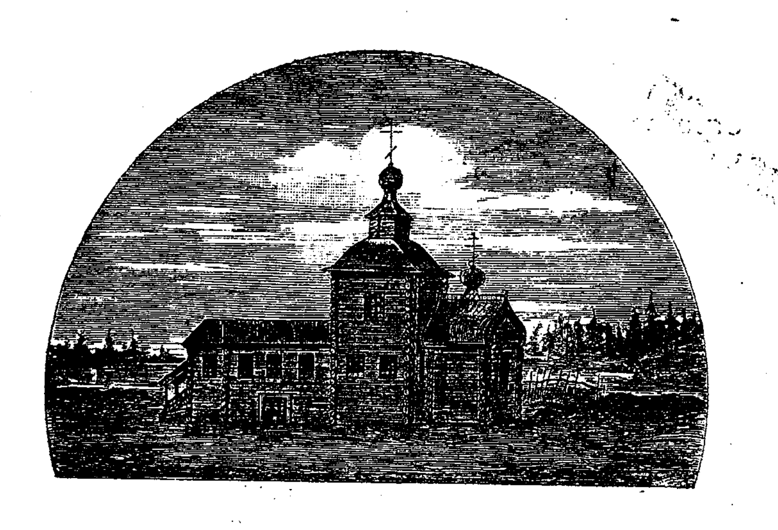
рующимъ часто приходилось защищать свои храмы отъ нападеній своихъ языческихъ соплеменниковъ съ верховьевъ Вычегды и отъ языческаго племени вогуличей, которое въ это время дѣлало частые набѣги на земли зырянъ. Такъ во время одного нападенія погибъ помощникъ св. Стефана, монахъ Кукша, и его ученики. Однако, мало-по-малу христіанство завоевало всю зырянскую землю; св. Стефанъ, гдѣ строгостью, гдѣ лаской утверждалъ его владычество и за свои труды по просвѣщенію зырянъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Другой мой попутчикъ—приказчикъ одной крупной лѣсопромышленной фирмы, самъ изъ зырянъ, непрестанно нахваливалъ свою родину:

— Вы не смотрите, что народъ сѣрый, необразованный, а живемъ мы не хуже другихъ, даже лучше. Первое дѣло у насъ просторъ, земли еще сколько хошь, второе—лѣса большой заработокъ даютъ — пушнину, рябчика промышляемъ и сбываемъ по зимѣ скупщикамъ; заготовляемъ „сортовку" *) для заграничнаго отпуска и сгоняемъ плоты по веснѣ; однимъ словомъ, у насъ въ краю кормиться мужику еще можно. Побывали бы вы въ Печорѣ—вотъ гдѣ живутъ зыряне богато! Рядомъ тѣ же самоѣды прожились въ пухъ, оленей своихъ пропили до послѣдней важенки (оленьей самки), и

*) Сортовый—строевой лѣсъ.

все ихъ былое богатство теперь въ нашихъ рукахъ. Слабый народъ эти самоѣды—за огненную воду (спиртъ) отца и жену отдастъ, только бы самому напиться. Теперь они у нашихъ ижмскихъ зырянъ въ пастухахъ живутъ и пасутъ по тундрѣ бывшихъ своихъ оленей.

— Что и говорить, дошлый народъ наши ижмцы—все забрали въ свои руки.

— Ну, не все же пропили самоѣды; говорятъ, что на оленей часто за послѣдніе годы нападалъ моръ, и самоѣды больше отъ этого разорились.

— Моръ не только самоѣдскія стада косилъ, зараза—она не разбираетъ, и только наши

зыряне сумѣли какъ-то уберечь своихъ оленей отъ падежа.

— Почему это вы называетесь зырянами?

— Мы, вѣдь, не зыряне по настоящему, а „коміасъ, коми". Если вы спросите зырянина, кто онъ такой,—онъ скажетъ вамъ: „ме-коми", или „ме-коми-мортъ". Что значитъ: „я камскій" или „я камскій человѣкъ". Наше племя—„Коми-йоз" или „камскій народъ", а зырянами насъ русскіе прозвали, когда пришли въ нашу землю и стали здѣсь селиться. Первые русскіе поселенцы на нашемъ сѣверѣ были люди безпокойные, они часто обижали насъ, вытѣсняли съ лучшихъ земель; наши же—народъ смирный, боязливый, однимъ словомъ лѣсной, дикій народъ, не могли имъ сопротивляться, а только говорили: „почто тѣсните насъ. Развѣ мало земли у Ена (Бога), приходите и селитесь, гдѣ хотите, а насъ не притѣсняйте".

Русскіе не понимали этихъ рѣчей, но слыша слова:—эн зыр эн-зыер—т.-е. „не тѣсните, не трогайте", говорили, что мы „зыркаемъ", и съ тѣхъ поръ, мы такъ и зовемся: зыряне, да зыряне.

— Сколько же теперь числится зырянъ въ вашемъ краю?

— Тысячъ двѣсти душъ, обоего пола, наберется. Скоро ужъ начнется и наша сторона; вотъ только Яренскъ проѣдемъ, а тамъ и дома. Народъ у насъ больше по рѣкамъ живетъ: вотъ

хоть бы по Вычегдѣ, Выми и Удорѣ, а дальше къ югу по Сысолѣ, Визингѣ, Лузѣ, на сѣверѣ по Печорѣ, Ижмѣ, Щугору. Сысольскій и Вычегодскій народъ у насъ хорошо хозяйствуетъ — пашни большіе, луга; скота держатъ иные до 10—12 головъ, ну, а на сѣверѣ, — все лѣсопромышленники, да охотники и рыбаки, потому земля тамъ неродимая, посѣвы вымерзаютъ, и народъ живетъ круглый годъ на чужомъ хлѣбѣ, кормится отъ промысловъ.

Когда мы проѣхали Яренскъ, то приказчикъ сказалъ:

— Ну, вотъ и зырянскимъ духомъ запахло.

Мы вмѣстѣ съ нимъ поднялись на палубу парохода. Наверху было свѣжо, несмотря на то, что день былъ ясный, и солнце грѣло, хотя и по осеннему, но во всю. Вычегда гладкой, голубой полосой протянулась впередъ и назадъ на цѣлыя версты. Мы, какъ разъ въ это время, огибали песчаную косу и шли около самаго крутика, песчанаго, обрывистаго берега, на которомъ росъ сосновый боръ. На противоположномъ берегу были луга, за песками кудрявились лозняки, кое-гдѣ лѣсныя гривы подходили къ самому берегу и роняли свои деревья въ воду; надъ гладью рѣки вились чайки, съ громкимъ, безтолковымъ крикомъ летѣла куда-то гагара.

Приказчикъ сказалъ:

— Не больно красива сторонка, да зато

просторно, сытно живемъ, и народъ нашъ, зыряне, ничего себѣ, добрый, только узнать ихъ надо, умѣть подойти къ нимъ да уважать ихъ обычаи; они народъ хоть и сѣрый, простой, но самолюбивый.

Потомъ мнѣ часто вспоминалась эта характеристика зырянъ.

Въ Усть-Сысольскъ я пріѣхалъ на шестой день лишь поздно вечеромъ. На пристани меня встрѣтилъ пріятель, къ которому я ѣхалъ, Никита Григорьевичъ. Едва я сошелъ съ парохода, какъ услыхалъ его зычный голосъ:

— А, муса мортъ, (милый человѣкъ) здорово, ну-ка давай поцѣлуемся.

— Здравствуй, Никита Григорьевичъ, вотъ и я.

— То-то, вижу, что ты, а этого-то франта зачѣмъ привезъ?—ткнулъ онъ пальцемъ въ Гастона.

— Не на кого оставить было, да и охотиться думаю.

Никита Григорьевичъ свистнулъ.

— У насъ, братъ, съ этимъ франтомъ ничего не подѣлаешь, лайку надо, зырянку, ну тогда дѣло пойдетъ.

Зная пренебреженіе моего пріятеля къ лягавой собакѣ и охотѣ съ нею, я не сталъ ему возражать и молча шелъ рядомъ.

— А ты все такимъ же краснымъ егеремъ

(охотникомъ на красную дичь) остался?—спросилъ меня Никита Григорьевичъ.

— А ты все такой же зуда и насмѣшникъ,—отразилъ я ударъ пріятеля,—сколько лѣтъ не видались, а встрѣтились—онъ ужъ и пошелъ зубоскалить.

— Ну, ладно, не буду больше.

Мой пріятель, Никита Григорьевичъ, стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ человѣкъ довольно начитанный и хорошо знающій свой родной край. Огромнаго роста, съ типичнымъ зырянскимъ лицомъ, немного плоскимъ и скуластымъ, съ широкимъ носомъ и небольшими насмѣшливыми глазами, онъ съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе простого крестьянина, и только, сказавъ съ нимъ нѣсколько словъ, поймешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ образованнымъ. Въ молодости онъ былъ земскимъ учителемъ, потомъ служилъ въ земской управѣ и, наконецъ, теперь устроился довѣреннымъ въ одной изъ лѣсопромышленныхъ фирмъ. Никита Григорьевичъ не разъ пытался уѣхать изъ „Зырляндіи", какъ называлъ онъ Зырянскій край, и устроиться гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ, но черезъ годъ, много черезъ два, его неудержимо тянуло домой въ свой родной Усть-Сысольскъ.

Нерѣдко онъ говорилъ мнѣ, какъ бы оправдывая эту странную привязанность къ своей дикой родинѣ:

— Знаешь, муса мортъ, хорошо у васъ въ городахъ, да долго жить я въ нихъ не могу— многаго мнѣ тамъ не хватаетъ: выросъ я на просторѣ широкой рѣки, подъ шумъ вѣковѣчнаго бора, а тамъ у васъ ничего этого нѣтъ, вотъ и скучаю я по родной тайгѣ, какъ старый морской волкъ по океану. Здѣсь у насъ благодать—вотъ хоть бы осенью: возвращаешься это, другой разъ, съ охоты въ теплую, тихую, какъ говорится „воробьиную“ ночь; ощупью бредешь по знакомой дорогѣ, зги не видно кругомъ... и вдругъ слышишь въ вышинѣ серебряные, трубные клики пролетнаго лебедя... А весной?— широкій разливъ, радостные крики птицъ и свистъ крыльевъ надъ воднымъ раздольемъ; темная, весенняя ночь на глухариномъ току, заячье вабленье и крикъ бурундука, предразсвѣтный холодокъ и жуть полнаго одиночества въ лѣсу... Нѣтъ, муса мортъ, что ни говори, а этого ничѣмъ не замѣнишь и безъ этого я съ тоски пропаду.

На другой день по пріѣздѣ въ Усть-Сысольскъ мы рѣшили, что черезъ нѣсколько дней я выѣду въ деревушку Маджу, верстахъ въ 80-ти отъ Усть-Сысольска, къ знакомому охотнику Никиты Григорьевича—Михайлѣ, и съ нимъ уже начну свои странствованія по зырянской тайгѣ. Пока же Никита Григорьевичъ посовѣтовалъ мнѣ запастись **лазомъ**, особымъ зырянскимъ костюмомъ, очень удобнымъ для охо-

ты. Лазъ надѣвается прямо на голову и спадаетъ назадъ въ видѣ четыреугольнаго мѣшка, въ которомъ можно носить припасы, почти не чувствуя ноши; у таліи передняя пола лаза подхватывается поясным ремнемъ, и, такимъ образомъ, получается нѣчто въ родѣ нагрудника.

Повертѣвъ въ рукахъ мой изящный англійскій ягташъ, Никита Григорьевичъ съ самымъ серіознымъ видомъ спросилъ:

— Ну, красный егерь, на что тебѣ эта заморская штука?

— Какъ на что! Носить дичь, провизію, эта вещь очень удобная...

— Сколько жъ ты сюда положишь? Пару осеннихъ косачей и то не втискаешь, а для провизіи мѣста только на два буттерброда, ну и сумка! Погоди, ужо выучатъ тебя наши зырянскіе лѣса, забудешь эти заморскія выдумки.

Никиту Григорьевича во всѣхъ практическихъ дѣлахъ я рѣшилъ слушаться безпрекословно; безъ разговора я заказалъ себѣ лазъ, а свой ягташъ повѣсилъ на стѣну.

— Такъ-то лучше—на стѣнкѣ эта штука красивѣе, чѣмъ въ лѣсу, да и цѣлѣе будетъ; вертуновъ этихъ долгоносыхъ*) здѣсь тебѣ ужъ не стрѣлять, а глухаря въ нее тебѣ не всунуть, хоть тресни,—пилилъ меня мой пріятель.—

*) Бекасовъ, дупелей, вальдшнеповъ.

„Франта“-то этого съ собой что-ль возьмешь на бѣлкованье? Пусть его блохъ поморозитъ въ тайгѣ.

— Нѣтъ, ужъ Гастона оставлю на твое попеченіе, похрани его до зимы.

— Ну ладно, ладно.

Наконецъ, Никита Григорьевичъ заявилъ, что недурно бы было мнѣ купить пару лаекъ, если я хочу вполнѣ вкусить всю прелесть зырянской охоты. На это я также выразилъ свое согласіе. И вотъ однажды ко мнѣ пришелъ мужикъ изъ сосѣдней деревни съ предложеніемъ купить у него собаку. Я послалъ за Григорьичемъ, и тотъ началъ за меня торгъ.

— Сколько ты хочешь за собаку?

Зырякъ молча заскребъ у себя въ затылкѣ, потомъ почесалъ спину и что-то отвѣтилъ по-зырянски.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ я Григорьича.

— Да что,—отвѣтилъ зырянской пословицей:— собакѣ собачья и цѣна.

— Но, однако?...

— Видно хочетъ заломить цѣну...

Наконецъ, зырянинъ сказалъ:

— Десять рублей.

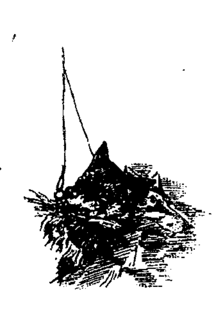
— Ну, братъ, это совсѣмъ не собачья цѣна, а большого теленка.

Зырякъ божится, что его Сѣрко „шибко дѣльной“, едва не первая промысловая собака въ округѣ.

— Ну, вотъ что, братъ: такъ и быть, пять рублей и ни копейки больше, веди собаку и получай.

Долго еще божился и упирался зырякъ, но наконецъ мы сошлись на шести рубляхъ, съ тѣмъ, если собака окажется негодной на охотѣ, то хозяинъ беретъ ее назадъ.

И такъ я сдѣлался обладателемъ Сѣрко, который былъ вовсе не сѣръ, а бѣлъ, какъ снѣгъ, съ чернымъ ухомъ и небольшой черной же отмѣтиной около праваго глаза. Я назвалъ его Снѣжкомъ за его бѣлую, пушистую шерсть, и Сѣрко сразу и охотно сталъ отзываться на эту новую кличку.

Черезъ два дня у другого крестьянина мы сторговали бурую лайку, которую я окрестилъ Лаской. Такимъ образомъ, я сдѣлался обладателемъ двухъ лаекъ, зырянскихъ звѣровыхъ собакъ, лучшихъ друзей и помощниковъ человѣка здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ. Теперь мнѣ оставалось дождаться маджинскаго охотника Михайлы и разстаться съ Усть-Сысольскомъ до самой зимы.

Усть-Сысольскъ, столица „Зырляндіи“, является обыкновеннымъ уѣзднымъ городкомъ, нелѣпо растянувшимся на протяженіи чуть ли не десяти верстъ. Самъ по себѣ онъ не великъ, но привычка зырянъ строиться „просторно“ сдѣ-

лала изъ него довольно большой городъ; въ самомъ центрѣ Усть-Сысольска встрѣчаются пустыри и площади, на которыхъ пасется скотъ, и едва ли не косятъ сѣно. Въ Усть-Сысольскѣ два собора, двѣ церкви, нѣсколько каменныхъ строеній, мужская и женская гимназіи, духовное училище. Вообще онъ городокъ, въ сравненіи съ другими городками нашего сѣвера, довольно благоустроенный.

Наконецъ, на моемъ горизонтѣ появился и Михайло - дядь изъ Маджи; онъ пріѣхалъ въ лодкѣ съ тѣмъ, чтобы кое-что закупить въ городѣ и захватить меня съ собою. Мои сборы были недолги. Поручивъ Гастона Никитѣ Григорьевичу, я забралъ свой небольшой багажъ и лаекъ и переселился въ лодку Михайлы-дядя. Путь до Маджи былъ для меня крайне интересенъ: вѣдь, я еще ни разу въ жизни не путешествовалъ такъ много въ лодкѣ. Большую часть пути я, однако, совершилъ пѣшкомъ, такъ какъ грести противъ довольно быстраго теченія было трудно, и я, какъ могъ, облегчалъ работу Михайлы. Но итти было еще интереснѣе, чѣмъ ѣхать, такъ какъ мнѣ представлялась полная возможность наблюдать жизнь большой рѣки, перелеты птицъ, ловлю рыбы зырянами, временами охотиться на утокъ, которыя во множествѣ встрѣчались и по рѣкѣ и по озерамъ. На обѣдъ мы варили этихъ, убитыхъ мной утокъ, засыпали супъ овсяной крупой, крошили въ него немного картошки, и

у насъ получалась очень вкусная похлебка. Михайло-дядь на этихъ привалахъ разсказывалъ мнѣ всякую бывальщину изъ своей жизни, онъ былъ коренной охотникъ и видывалъ всякіе виды.

— А что, Михайло-дядь, приходилось ли тебѣ встрѣчаться съ медвѣдемъ одинъ на одинъ?— какъ-то спросилъ я его.

— Нѣтъ, одному не случалось набрести на „некрасивую рожу" (такъ зыряне зовутъ медвѣдя), а вотъ однова съ товарищемъ, такъ мы его чуть не изловили живьемъ.

— Какъ же это случилось?

— Поѣхали мы ловить самоловомъ *) стерлядей, да запоздали подняться до мѣста: вѣтеръ былъ въ зубы (встрѣчный) и сильно насъ задержалъ. Ну, ладно, остановились мы чуть пониже Корткероса (село на Вычегдѣ), на пескѣ и, едва установили парусъ (палатку), какъ легли, и, съ устатка, скоро заснули. Лодку мы оставили у воды со всѣмъ „хламомъ" (пожитками), даже самоловы не вынули. Долго ли спали, не знаю, только вдругъ мой товарищъ (тоже нашъ маджинскій) разбудилъ меня:

— Михайло-дядь, смотри-ка - вѣдь, это медвѣдь переправляется черезъ Вычегду.

Темновато ужъ было, плохо видно; посмотрѣлъ я и говорю:

*) Самоловъ—это снасть, употребляемая для ловли стерлядей.

— Какой медвѣдь?—Вѣрно лошадь.

Только слышу плыветъ молча, а лошадь—та всегда фыркаетъ.

Смекнулъ я тутъ, что, пожалуй, это и впрямь медвѣдь, и говорю товарищу:

— Давай-ка скорѣй колъ потолще, поѣдемъ за нимъ и догонимъ...

Товарищъ туда-сюда, искать колъ сталъ, а я лодку спихнулъ въ воду, сѣлъ на корму, а топоръ около себя положилъ. Принесъ товарищъ колъ, да коротокъ больно, ну да все равно, велѣлъ я ему грести, а самъ правлю прямо на звѣря. Скоро мы его догнали, да только товарищъ то у меня робокъ былъ — боялся близко къ звѣрю подплыть. Вижу я, что коломъ мнѣ звѣря не достать, взялъ я весло, да ударилъ по башкѣ медвѣдя. Весло сломалось, а медвѣдь, какъ взреветъ, да. какъ схватитъ обломокъ весла въ пасть, только щепки отъ него поплыли. Отъ сердитаго голоса звѣря еще больше испугался мой помощникъ, а я кричу ему: — держи ближе, я сейчасъ топоромъ его буду рубить! До берега было еще далеко, но только вижу я, что товарищъ мой шибко боится, и что звѣрь уйдетъ непремѣнно.

— Стой-ка, говорю, давай на него (медвѣдя) самоловъ выкинемъ, авось заденетъ его крючкомъ и спутаетъ веревкой.

Подъѣхали мы къ медвѣдю и выбросили на него самоловъ; медвѣдь запутался, заревѣлъ, но

разорвалъ самоловъ и снова поплылъ. Говоритъ мнѣ товарищъ:

— Плохо видно попало, набрасывай еще.

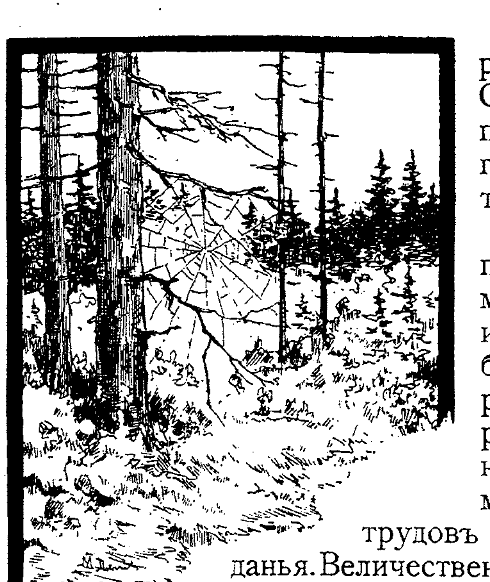
Выкинулъ я еще другой самоловъ. Этотъ былъ новый, крѣпкій, да только попалъ я имъ въ звѣря не впередъ, а въ спину, но крючки все-таки вцѣпились ему въ шкуру, да на грѣхъ одинъ крючокъ задѣлъ за бортъ лодки, и купаться бы намъ въ рѣкѣ, а медвѣдь бы такъ и уволокъ съ собой нашу лодку, если бы я не поспѣлъ обрубить веревку самолова. Такъ и утащилъ медвѣдь нашъ самоловъ съ собой въ боръ. Въ ту зиму, сказываютъ, Пезмогскіе промышленники убили этого медвѣдя и немало дивились тому, что въ его шкурѣ нашли 18 самоловныхъ крючковъ. „Откуда, думали, медвѣдь на самоловъ попалъ?...“

Нѣтъ, кабы, на тотъ случай, ружье у насъ было, не жить бы косолапому.

Пріѣхавъ въ Маджу, я поселился у зажиточнаго крестьянина Медоса (Медосъ—Модестъ) въ „чистой“ горницѣ его керки (избы). До настоящаго лѣсованья оставался почти мѣсяцъ, такъ какъ раньше октября зыряне не начинаютъ своего промысла. Но я не скучалъ: ранняя осень въ томъ году стояла ясная и теплая, въ тайгѣ было очень хорошо, и я цѣлыми днями пропадалъ въ ней съ своими новыми друзьями Лаской и Снѣжкомъ.

Керка-Нюръ *).

Осенняя охота въ зырянской тайгѣ на глухарей. Зырянскій „путикъ“. Встрѣча съ рыбаками. Нравы и суевѣрія зырянъ.

Осень золота, ранняя осень. Сколько въ тебѣ прелести, сколько грустной красоты!

Земля и небо полны такого безмятежнаго покоя и тишины, какъ будто самъ Творецъ усталъ творить, и, охваченный кроткой дремотой, почилъ отъ трудовъ и заботъ міроздання. Величественной грустью умиранія полны лѣса и поля, всюду разлито затишье и примиреніе природы съ неизбѣжнымъ концомъ всего сущаго—смертью. Общее затишье жизни въ природѣ захватываетъ и мятежную душу человѣка; мягкая грусть ложится на нее, но эта грусть

*) Зырянское названіе мѣстности.

не ранитъ больно, напротивъ, она успокаиваетъ, исцѣляетъ; подъ ея мягкою дымкою воскресаетъ надежда на то, что будетъ въ жизни еще весна, будетъ и еще счастіе и радость.

Замираетъ жизнь... Нѣтъ ужъ того слитнаго птичьяго гама, что немолчно раздавался все лѣто по полямъ, лугамъ и перелѣскамъ. Нѣтъ прежней суеты и трескотни насѣкомыхъ—большую часть ихъ уже убило утренниками; развѣ въ пожелтѣвшей травѣ лѣниво и тихо потрещитъ кузнечикъ, отогрѣтый полуденнымъ солнцемъ, да сонно прожужжитъ большая синяя муха.

На широкой, могучей рѣкѣ та же тишина, нѣтъ на ней ни прежняго оживленія, ни прежней милой птичьей суеты; не вскрикиваютъ пронзительно чайки, не снуютъ надъ самой водой кулички съ своимъ тонкимъ пискомъ; только большія стаи перелетныхъ утокъ изрѣдка тянутъ въ вышинѣ или съ шумомъ садятся на отдыхъ куда-либо къ песчаной косѣ.

Въ глуби лѣса, въ тайгѣ, еще глуше и спокойнѣе; правда, тамъ почти всегда царствуетъ ровная тишина; развѣ только весной бываетъ нѣсколько оживленнѣе, въ особенности на зарѣ или бѣлой майской ночью. Но къ концу лѣта въ ней остаются изъ пернатыхъ, этихъ главныхъ нарушителей тишины, только дятлы, синички, кукши, да рябчики и глухари; правда, еще тетерева держатся кое-гдѣ по окраинамъ, до перваго снѣга. Таинственно, пустынно въ

тайгѣ въ тихій осенній день, малѣйшій шорохъ слышенъ отчетливо ясно: пискнетъ ли синичка, вскрикнетъ ли кеня (кукша), фуркнетъ ли рябчикъ или, вдругъ, залопочетъ глухарь, поднятый собаками—всѣ эти звуки слышны за сотни шаговъ. Любо бродить по тайгѣ въ золотой день ранней сѣверной осени съ лайками за глухарями.

Съ утра заберетесь въ самую глушь, куда-либо на боровые угоры въ сосѣдство съ огромнымъ моховымъ болотомъ, и тихо идете, забросивъ за спину ружье. Собаки рыщутъ далеко впереди, онѣ описываютъ большіе круги, изрѣдка догоняя васъ по слѣду; отъ ихъ чутья, тонкаго слуха и остраго зрѣнія ни одна тварь не укроется въ лѣсу. Ноги ваши мягко ступаютъ по мòховому ковру, идете вы, почти не слыша своихъ собственныхъ шаговъ, почти безъ шороха, только развѣ хрустнетъ подъ ногою сухая валежина.

Широко раскинулись по лицу Зырянскаго края веселые, свѣтлые, сосновые сухоборы. Кудрявыя сосны съ прямыми, какъ свѣчи, стволами немолчно шумятъ и тянутся къ высокому блѣдно-голубому небу своими вѣчно-зелеными кронами; воздухъ въ борахъ чистъ, напоенъ ароматомъ смолы и можжевельника.

Идете и отдаетесь мечтамъ безраздѣльно; ничто не мѣшаетъ вамъ, ничто васъ не отрываетъ...

Встаютъ передъ глазами образы прошлаго; картины смѣняются одна другой, и нѣтъ въ сердцѣ горечи, когда память возвращается къ далекому, милому, навѣки утерянному... Передъ лицомъ природы смиряется душа, сами горести кажутся скоро проходящими, потери не такими безнадежными, а радости минутными, дѣтскими... да и сама жизнь человѣческая — что она? не краткій ли сонъ? Чередуются въ головѣ думы, проходятъ передъ глазами картины былого, призраки минувшаго обступаютъ васъ, а тайга шумитъ своимъ ровнымъ шумомъ:

— Ты волнуешься и страдаешь, человѣкъ, но мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла. Ты можешь безслѣдно затеряться въ моемъ безбрежномъ морѣ, умереть, не отыскавъ выхода; ты будешь кричать, молить и проклинать, а я отвѣчу тебѣ лишь насмѣшливымъ эхомъ и останусь все такой же равнодушной и суровой. Пройдутъ годы, тебя не будетъ въ живыхъ, а я все такъ же буду стоять, зеленѣть и шумѣть.

Идете, мечтаете и ждете—не послышится ли въ лѣсной дали звонкій собачій лай.

Вотъ, гдѣ-то въ сторонѣ, захлопалъ крыльями глухарь, и пугливо вздрогнула лѣсная тишь отъ его внезапнаго взлета; потомъ, спустя нѣсколько минутъ, уже слышите громкій, горячій лай собаки. Заслышавъ лай, спѣшите на призывъ, въ волненьи крѣпко сжимаете шейку приклада, умѣряете удары сердца и безшумными,

осторожными шагами подбираетесь къ добычѣ. Громомъ раскатистаго выстрѣла взбудоражите пугливое эхо; замечется оно по тайгѣ, занесетъ свои перекаты далеко-далеко въ таежную глушь, снова вернетъ ихъ и потомъ замретъ, успокоится.

Пывзанъ.

Подобравъ добычу, двинетесь дальше, мимоходомъ полакомитесь спѣлой брусникой, черникой и гонобоблемъ, напьетесь изъ лѣсного ручья, подремлете, отдохнете подъ его журчанье на мягкомъ моховомъ ложѣ и снова впередъ—бродить по широкому простору тайги.

А то набредете на табунокъ рябчиковъ и, придержавъ собакъ, прикликаете ихъ въ вабикъ [1]). Тайки и пугливы рябки, густо и темно въ вѣковой пармѣ [2]), трудно въ ней разсмотрѣть осторожныхъ птичекъ, притаившихся гдѣ-нибудь средь мохнатыхъ лапъ ели и бородъ лишайника, но при удачѣ тѣмъ пріятнѣй добыча. Набродившись день-деньской, къ вечеру возвращаетесь на привалъ куда-нибудь на берегъ Вычегды или къ охотничьей избушкѣ-зимовью, по-зырянски—пывзану.

Незатѣйливый ужинъ, чай у огонька, а затѣмъ сладкій и благодатный сонъ, безъ сновидѣній, крѣпкій и живительный.

А утромъ, до свѣта, опять на ногахъ, опять забираетесь въ тайгу и проводите въ ней весь день до самаго вечера.

Недалеко отъ деревушки Маджи, въ которой я поселился на осень, находится небольшая рѣчка Ташъ-ю (притокъ рѣки Вычегды), берущая свое начало въ огромномъ моховомъ болотѣ Керка-Нюръ. Моховое болото, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Ташъ-ю, тянется на громадное пространство, оно большой котловиной лежитъ между сосновыми борами и еловыми пармами и въ большей своей части непро-

1) Пищикъ
2) Парма—еловый лѣсъ

ходимо. У зырянъ оно окружено ореоломъ нѣкоторой тайны: говорятъ, что гдѣ-то, почти въ самой серединѣ болота, на небольшомъ островкѣ, лежитъ одно единственное бревно отъ большого крестьянскаго дома, съ прорубленными для оконъ мѣстами. Какъ попало это бревно, или по-зырянски Керка, въ самую глушь болота, никто не знаетъ, но болото это такъ иноситъ названіе Керка-Нюръ [1]). Простодушные зыряне считаютъ чуть ли не подвигомъ забраться на Керка-Нюръ во время лѣсованья, и мнѣ иногда приходилось слышать, какъ подгулявшіе въ праздникъ охотники хвастались:

— Я-де и на Керка-Нюръ бывалъ, не боялся!...

Это—когда начнутъ считаться тѣмъ, кто удалѣй на охотѣ, кто дальше бывалъ, кто больше видывалъ немудрыхъ диковинокъ зырянскаго края. Вотъ на этотъ-то Керка-нюръ я и отправился за глухарями. До самаго устья Ташъ-ю спустился [2]) я отъ Маджи по Вычегдѣ на своей трехупружкѣ [3]) и основался на житье прямо на волѣ, подъ группой густыхъ, развѣсистыхъ елокъ и пихтъ. Это было настоящее логово; немного подчистивъ внизу сучья и удаливъ валежникъ, я устроилъ себѣ хорошее, со всѣхъ сторонъ защищенное, убѣжище. Даже на случай дождя

---

[1]) Нюръ—моховое болото.

[2]) Спускаться—плыть внизъ по теченію.

[3]) Легкая небольшая лодка съ бортикомъ изъ осины и еловыми бортами.

было безопасно, такъ какъ врядъ ли могъ бы и здоровый ливень пробить насквозь густой навѣсъ вѣтвей; кромѣ того, горячій дымъ отъ костра, подымаясь наверхъ и задерживаясь между вѣтвями, сушилъ бы рѣдкія, проникающія сюда капли дождя. Прибѣгать къ этому способу защиты я научился у зырянскихъ охотниковъ.

Спалъ я на мягкихъ, душистыхъ пихтовыхъ лапахъ, густо настеленныхъ прямо на землю подъ охраной моихъ вѣрныхъ помощниковъ, лаекъ Ласки и Снѣжка.

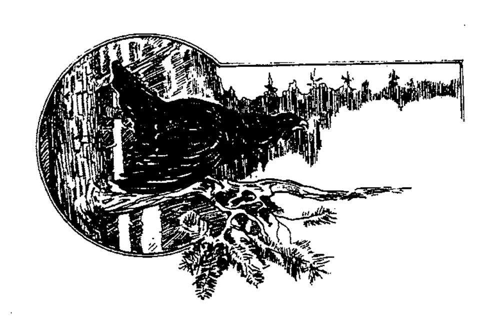
Лодку мнѣ пришлось вытащить повыше и оставить на берегу; можно было не опасаться за ея цѣлость въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ бывали только рыбаки да охотники, а среди этого народа больше всего приверженцевъ пресловутой зырянской честности. Первый день я пробродилъ по окраинамъ тайги и по лѣсистымъ пожнямъ Вылысса Таша (Верхняго Таша), гоняясь за тетеревами. Люблю я эту охоту за заматерѣвшими косачами во время осенняго ихъ токованья.

Осенняя тишь; все поблекло и никнетъ въ ожиданіи скораго конца; тоскливо шелеститъ подъ ногами высохшая на корню, не дождавшаяся косы трава; вездѣ осеннія краски: золото березъ и пурпуръ осинъ на мрачной зелени хвойнаго лѣса; рдѣетъ рябина, низко склонивъ свои вѣтви подъ тяжестью гроздей, и словно дрожитъ осеннимъ звономъ и свѣтомъ самъ чистый свѣжій воздухъ ранняго осенняго утра...

Все вокругъ говоритъ о томъ, что жизнь замираетъ, что природа истощила свои силы и стремится къ покою. И вдругъ въ этой тишинѣ яснаго осенняго утра вы слышите ярую, точно весеннюю пѣсню косача: льется она, говоря о неизжитыхъ еще силахъ, о радостяхъ будущаго обновленія; вотъ оборвалось глухое воркованіе и раскатилось задорное:

ЧУ-ВЫШ-Ш-Ш...

Странное чувство родится въ душѣ: и грустно вамъ, и радостно вмѣстѣ, и жалко уходящаго лѣта, и трепетно бьется надежда

на новое, что придетъ еще и еще подаритъ природѣ жизнь и движеніе, бурные порывы и тихія радости.

Косачи во время осенняго токованья выдерживаютъ собачій лай и не улетаютъ; изъ-подъ

лаекъ ихъ хорошо стрѣлять въ это время, въ особенности молодежь, которая вообще еще глупа и часто не боится не только собаки, но и стрѣлка. Лайки въ это время разыскиваютъ тетеревей по слуху, подбѣгаютъ подъ дерево, на которомъ токуетъ косачъ, и начинаютъ лаять; умныя, смѣтливыя собаки никогда при этомъ не лаютъ слишкомъ азартно, такъ какъ знаютъ, что слишкомъ яраго лая тетеревъ все-таки боится. Мои лайки въ это утро работали хорошо, въ особенности старая опытная Ласка, и я успѣлъ за короткое время снять трехъ косачей. Къ полудню я забрался въ парму, на берега Ташъ-ю, и взялъ тамъ пять рябчиковъ. Къ привалу въ первый день я возвратился еще рано, такъ какъ хотѣлъ заготовить побольше дровъ на все время моей охоты въ Ташѣ. За рубкой дровъ прошелъ остатокъ дня: вечеромъ усталость взяла свое, и для сна показалось мало даже длинной осенней ночи. На утро я отправился за глухарями. Погода стала пасмурнѣе, мягче, какъ говорятъ охотники, видимо дни установились тихіе, сѣрые, настоящіе „охотничьи“, безъ заморозковъ по утрамъ. Въ такіе дни особенно хорошо охотиться на сѣверѣ, такъ какъ въ ясную и сухую погоду утренній иней мѣшаетъ охотѣ: почти до полудня въ лѣсу все трещитъ подъ ногами, птица не подпускаетъ на выстрѣлъ, да и собаки скоро сбиваютъ себѣ ноги и отказываются искать. Но въ то утро инея не было

вовсе; ходьба была хорошая, и охота удалась на славу.

Съ бодрымъ радостнымъ чувствомъ вступилъ я въ заповѣдную глушь; я зналъ, что до меня въ эту осень здѣсь никто не бывалъ, что цѣлый годъ ни одна человѣческая нога не топтала подножія великановъ сосенъ и елей, ни одинъ выстрѣлъ не будилъ эхо. Я тихо брелъ угоромъ, т. е. тѣмъ мѣстомъ, гдѣ боръ начинаетъ спускаться къ болоту. Эти угоры — любимѣйшія мѣста глухариныхъ выводковъ. Обычно на угорахъ масса ягодъ: брусники и гонобобля, а ниже, въ болотѣ разсыпана клюква; кромѣ того почва угоровъ песчана, она покрыта тонкимъ слоемъ бѣлаго, оленьяго моха и рѣдкими кустиками вереска; а въ пескѣ любятъ копаться глухари; не даромъ двиняне называютъ ихъ копалами, копалухами. Псы мои быстрымъ карьеромъ носились по бору, спускались въ болото, оставались далеко назади и, вдругъ, быстро нагоняли меня по слѣду. Вскорѣ въ сторонѣ послышалось хлопанье нѣсколькихъ паръ крыльевъ, взлетъ нѣсколькихъ птицъ, а потомъ оттуда донесся звонкій, задорный лай Ласки. Пока я пробирался на ея лай, немного ближе ко мнѣ залаялъ и Снѣжокъ; оттуда, гдѣ онъ былъ, неслось тревожное—ко-ко-ко—глухарки, матери выводка. Я сталъ скрадывать глухарку, осторожно подвигаясь все ближе и ближе, скрываясь за деревьями. Я подошелъ шаговъ на восемьдесятъ

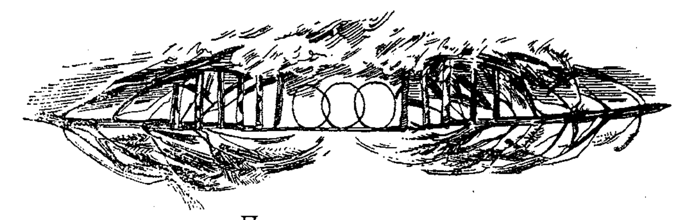
и спустилъ ее съ дерева. Глухарка свалилась прямо въ зубы Снѣжку, и ужъ потрепалъ бы онъ ее, если бы я ея у него не отнялъ. Лайки очень жадны до дичи и никогда не пропустятъ случая помять ее, а то и порвать; нѣкоторыя не задумаются и съѣсть, если голодны и еще набалованы при этомъ.

Положивъ глухарку въ лазъ, я пошелъ на лай Ласки и взялъ изъ-подъ нея молодого пѣтуха-глухарика. На розыски остальныхъ подальше отлетѣвшихъ глухарятъ я употребилъ больше часа. Интересно выслѣживаютъ хорошія лайки сорвавшуюся птицу: почуявъ глухаря на землѣ, лайка во весь карьеръ бросается къ нему и поднимаетъ; глухарь, напуганный собакой, если не видитъ человѣка, вѣшается (садится) на ближайшее дерево, если онъ не настроганъ (не напуганъ), и не очень старый пѣтухъ. Старикъ же улетаетъ далеко и летитъ довольно быстро; лайка бросается за нимъ въ догонку со всѣхъ ногъ, не спуская съ него своихъ зоркихъ глазъ; когда же потеряетъ глухаря изъ вида, то руководствуется шумомъ полета, у глухаря довольно громкимъ. Наконецъ, гдѣ-то далеко впереди птица садится на дерево и при этомъ щелкаетъ о сучекъ лапками; звукъ этотъ довольно громкій и рѣзкій; вотъ по нему-то и опредѣляетъ лайка то мѣсто, гдѣ находится глухарь. Когда собака лаетъ, молодой глухарь шипитъ, щелкаетъ на собаку, какъ будто сердится на

нее или дразнитъ. Онъ все ниже и ниже спускается съ сучка на сучекъ, едва не къ самой мордѣ разъяренной собаки; онъ въ это время имѣетъ очень потѣшный видъ и забываетъ всякую осторожность. Изъ этого выводка я взялъ еще пару глухарятъ и рѣшилъ, что на сегодня довольно, такъ какъ поохотился я славно, а тащить на себѣ двѣ пары глухарей было уже трудновато. Удобный для носки тяжелой кладки зырянскій охотничій лазъ едва вмѣщалъ мою добычу. Выбравшись на берегъ Ташъ-ю, я вскипятилъ чайникъ и, немного закусивъ и напившись, отдохнулъ. Перевалило далеко за полдень, когда я тронулся обратно изъ лѣса; желая сократить себѣ путь и выйти прямо къ Вычегдѣ, я свернулъ немного вправо и вышелъ на незнакомый мнѣ путикъ какого-то охотника. Здѣсь, въ Зырянскихъ лѣсахъ, эти путики, или промысловыя тропы, на которыхъ охотниками ставятся ловушки и западни на птицу и звѣря, вы встрѣтите повсюду. Цѣлыя версты вьется иной, протоптанный зыряниномъ путикъ, и по нему, буквально на каждомъ шагу, настороженны разнаго рода ловушки: тутъ и силья на рябчика, и перевѣсы и петли на тетерева и глухаря, и давушки, и слопцы, и кузова, и какихъ только еще хитроумныхъ приспособленій не встрѣтите вы здѣсь!

Сѣверный коми (вычегодецъ, удорецъ, вымецъ) плохой хлѣборобъ, но зато неутомимый

и изобрѣтательный охотникъ; въ охотѣ, промыслѣ—вотъ гдѣ сказалась истинная душа зырянина, его природа лѣсного человѣка. Хитрость, изобрѣтательность, умѣнье съ наименьшими затратами силъ, матеріала и времени добыть возможно больше, тонкое знаніе привычекъ звѣря и птицы, выносливость и любовь къ своему дѣлу—создали зырянамъ справедли-

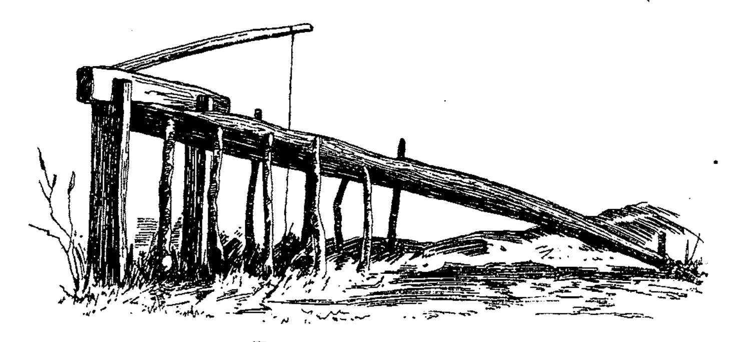

Петли на тетерева.

вую славу первыхъ охотниковъ и звѣролововъ, и слава эта разошлась далеко за предѣлы ихъ родины. Посмотрите, какъ устроены всѣ эти ловушки: вѣдь коми совершенно незнакомъ съ физикой и механикой, но какой чуткій механизмъ смастеритъ онъ изъ жердочекъ и прутьевъ. Вотъ хотя бы давушка на глухаря — вѣдь это цѣлая сложная система рычаговъ, выходящая изъ равновѣсія при малѣйшемъ прикосновеніи птицы къ тонкой планкѣ, удерживающей при помощи тягъ и клинушка въ висячемъ положеніи цѣлое бревно въ нѣсколько пудовъ вѣса. Эти путики, со всѣми ловушками и пывза-

номъ (курная избушка), являются такимъ же имуществомъ крестьянъ, какъ и луга, пашни и усадьбы, они переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ.

Перерѣзавъ болото, я уже только въ сумерки началъ выбираться изъ тайги куда-то на пожни, но это было вовсе не то мѣсто, гдѣ оставался мой скарбъ. Подойдя къ самой Вычегдѣ, я со-

Давушки на глухаря.

образилъ, что вышелъ изъ лѣса верстъ на 10—12 выше Усть-Таша. Отъ Ташъ-ю Вычегда дѣлаетъ большую излучину: подъ довольно острымъ угломъ она бросается вправо, образуя длинный, но сравнительно узкій мысъ. Прямикомъ до моего привала было не больше какихъ - нибудь 5—6 верстъ, но кто бы согласился на моемъ мѣстѣ снова итти тайгой. Наконецъ, идя берегомъ, я могъ наткнуться на рыбацкій огонекъ и около него пріютиться на ночь. Я съѣлъ весь

остатокъ хлѣба до крошки, запилъ его чистой Вычегодской водой и пошелъ. Рѣка была по вечернему безмолвна, она катила свои холодныя воды, слегка рябилась на быстринѣ, тихо бурлила подъ крутиками, огибала золотые пески. Изрѣдка надъ нею пролетали стайками утки, парочки пестрыхъ крохалей, или, рѣдко махая крыльями, пролетала большая сѣрая чайка. А вотъ и ночь спустилась и постепенно скрыла всѣ дали, а очертанія близкихъ предметовъ сдѣлала жуткими и таинственными... Вдали, внизу, на рѣкѣ вдругъ послышался скрипъ укрючинъ и смутный говоръ... собаки насторожились и заворчали. Вскорѣ опять тамъ раздался стукъ топора, говоръ сдѣлался слышнѣй, явственнѣй, и вспыхнулъ яркій огонекъ. Радости моей не было границъ—сейчасъ, всего черезъ нѣсколько минутъ, я встрѣчу людей, вмѣстѣ съ ними проведу ночь, достану хлѣба и себѣ и собакамъ и сварю себѣ горячаго,—охъ, какъ хорошо!

Я не удержался и крикнулъ:

— Гоп-гоп-гоп-гоп!

— Го-го-го-го!—загоготало эхо за рѣкой, но не успѣлъ умолкнуть его послѣдній отголосокъ, какъ отвѣтили и рыбаки. Я прибавилъ шагу; огонекъ все приближался, дѣлался ярче, сыпалъ искрами... Вскорѣ я различилъ двѣ фигуры, двигавшіяся около костра; когда я подошелъ ближе, тотъ рыбакъ, что былъ повыше ростомъ и стоялъ ближе ко мнѣ, окликнулъ:

— Коды мунно? *) (кто идетъ)?

Я отвѣтилъ:

— Рочь морт, ворались (русскій охотникъ).

Вдругъ откуда-то изъ-подъ берега выскочила черная собаченка и съ сердитымъ лаемъ бросилась къ моимъ псамъ.

— Мун, Соболько, мун!—закричалъ на нее высокій.

Я подошелъ ближе.

— Олан-вылан!—произнесъ я зырянское привѣтствіе.

Мнѣ отвѣтили:

— Здравствуешь, чей будешь?

— Маджаысь (изъ Маджи).

— Такъ, такъ, охотничаешь?

Тутъ я рѣшилъ, что приличіе мною соблюдено довольно и что можно уже отвѣчать по-русски.

— Да, ходилъ на Керка-Нюръ за глухарями, да вотъ заблудился немного и только къ вечеру выбрался изъ тайги, да и то не туда попалъ, ниже бы надо выйти...

— А хламъ у тебя гдѣ же?—спросилъ меня высокій.

— Недалеко отъ Усть-Таша, тамъ и лодка и хлѣбъ, съ собой-то запаса я только на день и взялъ, да и то все ужъ пріѣлъ.

---

*) Зырякъ произноситъ О, какъ среднее между Э и Ы.

— Съ нами, что-ль, ночуешь или пойдешь?

— Ну, гдѣ итти въ такую темень, придется ночевать съ вами.

— Ну, что жъ, огонь всѣхъ грѣетъ, оставайся.

Я стащилъ съ себя лазъ, сильно оттянувшій мнѣ плечи, и всю свою охотничью амуницію и присѣлъ у огня на колоду; теперь я хорошо разглядѣлъ рыбаковъ. Высокій былъ весь какой-то узловатый и лохматый, на видъ ему лѣтъ 45—48; одежда на немъ была изъ грубаго, домотканнаго сукна, штаны изъ синей крашенины были заправлены въ рваныя бродни; поверхъ одежды былъ накинутъ кожаный лазъ; на головѣ вмѣсто шапки,—копна черныхъ спутанныхъ волосъ, въ безпорядкѣ торчавшихъ въ разныя стороны, руки его были заскорузлы, черны и похожи на грабли. Другой рыбакъ былъ низкій, приземистый и крѣпкій; румяное лицо его, все въ старческихъ морщинахъ, было обвѣтрено и свѣжо; вмѣсто бороды торчала сѣдоватая щетина; голову покрывала круглая войлочная шапка. Больше всего меня поразилъ въ этомъ лицѣ взглядъ умныхъ, проницательныхъ глазъ, свѣтившихся почти юношескимъ блескомъ. Этотъ старикъ казался мало похожимъ на зырянина, а скорѣе на нѣмца-колониста или николаевскаго солдата; на видъ ему можно было дать и 56 и 60, а то и всѣ 65 лѣтъ.

— Давно рыбачите?

— Да ужъ второй мѣсяцъ, съ самаго Преображенья выѣхали; теперь ужъ внизъ плывемъ, подъ Важкурью *) поднимались.

— Ну, а какъ ловъ?

— Да средственно нынче, вода высоко стоитъ, нѣтъ хода рыбѣ.

— Подольничаете или самоловомъ?

— Подольничаемъ.

Я извлекъ изъ лаза глухарку и принялся ее было щипать, но старикъ остановилъ меня:

— Это дома будетъ лучше, съ нами ухи похлебаете, мы сейчасъ варить будемъ... Ну-ка, Иванъ-дядь, возьми котелокъ, да принеси рыбы на варку, да смотри не жалѣй, чтобы погуще было.

Иванъ - дядь взялъ котелокъ и спустился къ лодкѣ.

— Хлѣба, вотъ, у меня нѣтъ: все, что было, пріѣлъ.

— Ну, бѣда не велика,—отвѣтилъ старикъ,— у насъ хлѣба хватитъ, дадимъ.

Онъ досталъ ярушникъ и съ улыбкой протянулъ его мнѣ. Я не заставилъ себя упрашивать; этотъ черствый прогорклый ярушникъ показался мнѣ очень вкуснымъ, хотя все же застревалъ въ горлѣ и возбуждалъ икоту. Скоро возвратился и дядя Иванъ; въ котел-

*) Важкурья—деревня на Вычегдѣ.

кѣ у него, выпуча глаза, лежало десятка два ершей, да пара небольшихъ налимовъ.

Пока вскипѣла уха, я хорошо познакомился съ рыбаками. Оба они были изъ деревушки Додзь; старика звали Василіемъ Ивановичемъ, фамилія его была Сорвачевъ, Иванъ-дядь тоже носилъ фамилію Сорвачева. Оказалось, что весь ихъ Додзь населенъ Сорвачевыми, вся деревня носила эту фамилію. Уха быстро поспѣла, но мы расправились съ ней еще быстрѣе и послѣ ужина занялись чаемъ. Спать еще не хотѣлось, несмотря на усталость и на то, что послѣ ѣды по всему тѣлу разлилась какая-то нѣга. Собакамъ мы тоже бросили по ярушнику, да, впрочемъ, онѣ уже и сами нашли себѣ кое-что: Снѣжокъ вырылъ крота, а Ласка поймала нѣсколько мышей у сосѣдняго зарода (стогъ). Послѣ ужина у меня съ рыбаками завязался разговоръ, началъ дядя Иванъ:

— Учитель что-ли Маджинскій будешь?

— Нѣтъ, не учитель, такъ пріѣхалъ сюда посмотрѣть, какъ живутъ зыряне, какъ охотятся, не даромъ вѣдь вы первыми охотниками считаетесь.

— А самъ-то ты родомъ откуда будешь?

— Москвичъ я, изъ самой Москвы.

— Далеко-жъ ты забрался! А зачѣмъ тебѣ знать, какъ мы живемъ, начальство что-ли тебя какое послало?

— Нѣтъ, по своей охотѣ; поживу здѣсь у

васъ, а потомъ книжку напишу о вашемъ краѣ, у насъ въ Москвѣ народъ любознательный, все хочетъ знать.

— Шибко ты, парень, вижу я, отчаянный.

— Ну, что за отчаянный? Что ты Иванъ-дядь, будетъ тебѣ диковаться-то.

— Нѣтъ, парень, какъ это бродишь одинъ ночное дѣло? На Керка-Нюрѣ былъ, а изъ нашихъ зырянъ и бывалые-то охотники не часто осмѣливаются туда заходить; слышь чудно тамъ...

— Да кого же бояться? Противъ звѣря есть оборона, надежный товарищъ—ружье, а людей за эти дни я только васъ первыхъ и встрѣтилъ, да что тамъ говорить, вѣдь ваша же пословица—„медвѣдя бояться—не добро жить".

— Медвѣдь что, и наши-то его мало боятся, а вотъ лѣшакъ, такъ тотъ—у-у-у—не приведи Богъ!

— Да вѣдь это только зыряне ваши всякой чертовщины боятся: лѣшаковъ, да кикиморъ, а больше сами себя пугаютъ...

Василій Ивановичъ съ улыбкой слушалъ нашъ разговоръ и пока не проронилъ ни слова. Онъ вытащилъ изъ кармана маленькую жестяную коробочку, открылъ ее и досталъ оттуда щепоть какого-то бураго порошка, растеръ на лодони и сказалъ:

— Зарядить надо,—непріятель близко.

Потомъ поднесъ щепоть къ носу, нюхнулъ и протянулъ коробку мнѣ:

— Не хотите ли зарядить? Ахъ, славно!..

Въ коробкѣ оказалась махорка; уловивъ мой недоумѣвающій взглядъ, старикъ сказалъ:

— Нюхательнаго табаку не употребляю,— потому отъ него мозгамъ вредъ, да и подъ носомъ некрасиво, а вотъ махорка—она пользительна: прочищаетъ.

— Спасибо, не курю и не нюхаю.

— Да оно безъ баловства-то лучше, а только такъ я, со скуки балуюсь; скажешь: „непріятель близко, надо зарядить,“ и зарядишь... Нашли ли въ болотѣ керку-то?

— Нѣтъ, не до того было, все глухарей искалъ, да въ болото далеко не заходилъ: поди, нечего тамъ взять теперь.

— Вся дичь по угорамъ, да по ягодникамъ. А что правду говорятъ, будто тамъ находится какое-то бревно отъ избы, и какъ оно туда зашло?

— Правда-ли не знаю, а говорить говорятъ, а другіе увѣряютъ что и сами видывали. Слыхалъ я, что въ старину въ нашихъ краяхъ жилъ страшный разбойникъ, ягъ-мортъ, и будто онъ селился въ самыхъ глухихъ мѣстахъ лѣса, откуда нападалъ на сельчанъ, но тому ужъ много сотъ лѣтъ, какъ его убили наши зыряне.

— А теменъ еще вашъ народъ, много у него суевѣрій да примѣтъ, вѣдь, иной шагу не ступитъ, чтобы не зачураться.

— Что и говорить, вы вотъ давеча обронили, что зыряне сами себя пугаютъ, правду вы сказали. Я разскажу вамъ исторію, вотъ Иванъ-дядь ее помнитъ, самъ былъ въ ней участникомъ и отъ свиньи и кошки убѣжалъ безъ оглядки.—Было это лѣтъ 10—12 тому назадъ; возвращались какъ-то наши додзьскіе изъ Кардора (Архангельска), куда сгоняли по веснѣ плоты съ сортовымъ лѣсомъ; партія ихъ большая была, душъ 35, коли не 40, все мужики да парни. Гдѣ-то пониже Яренска зашли они въ деревню и попросились ночевать у одной бабы. Женщина та пустила ихъ въ керку (избу), а сама вышла, должно, ушла ночевать къ сосѣдямъ. Было это подъ самое Петровское заговѣнье.

Улеглись наши мужики на ночлегъ, но скоро заснуть не могли: какъ водится, въ артели всегда шутки, кто-то изъ ребятъ и скажи забавное слово: „зайти-то зашли ночевать, а какъ выйдемъ“. Очень тутъ оробѣли наши храбрецы оттого, что хозяйка не являлась. Двое пошли посмотрѣть, гдѣ хозяйка, не въ сараѣ ли? Вернулись и сказываютъ: „нѣтъ нигдѣ“. Тутъ пуще оторопь всѣхъ взяла, однако улеглись всѣ опять, а заснуть никто не можетъ. Видно, когда дозорщики выходили, они забыли затворить дверь, вотъ въ щель и вошла бѣлая кошка, обошла по стѣнѣ кругомъ всю керку и вышла вонъ. Тутъ на всѣхъ ужъ

и вовсе страхъ напалъ, трясутся даже, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ нѣсколько времени вбѣжалъ порсь (свинья), также кругомъ обошелъ всю керку и вышелъ... Оробѣли тутъ совсѣмъ наши храбрецы, кто-то еще молвилъ: „попали къ сатанѣ въ избу". Какъ вскочутъ всѣ послѣ этихъ словъ, да въ дверь. Что тутъ только было — падаютъ, кричатъ, толкутся, валятся другъ на дружку—чистый содомъ. Выбѣжали на дорогу, тогда только и опомнились немного, давай считать, не оставили ли кого въ избѣ, да нѣтъ всѣ цѣлы оказались. Домой пришли да и разсказываютъ, въ какую, было, бѣду попали, а потомъ узналось: хозяйка-то керки, гдѣ они ночевали, одному нашему мужику родней доводится, и не мало дивилась она поутру тому, что керка ея пустой стоитъ, дверь настежь, а ночлежниковъ и слѣдъ простылъ. До сихъ поръ мы еще смѣемся надъ этой исторіей и, кто больно хвастается своей храбростью, того спрашиваемъ: „а отъ кошки съ свиньей не убѣжишь"?

Иванъ-дядь молча слушалъ и сосредоточенно ковырялъ палкой въ золѣ, видимо, онъ все же не былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что тогда испугался простой свиньи и кошки.

Старикъ „зарядилъ" еще и продолжалъ:

— Я вотъ тоже бывалъ на чужой сторонѣ, въ Упѣ (Уфа); родитель мой еще мальчишкой меня туда увезъ... Не понравилось мнѣ тамъ —

жизнь тѣсная, людно; народъ все лукавый,—норовитъ обманомъ, да хитростью жить. Кинулъ я родныхъ и пришелъ опять на родину къ своимъ зырянамъ. Ничего, съ ними жить можно, хоть и между ними нынче правды мало осталось, да зато простору здѣсь еще много. На рѣкѣ ли, въ лѣсу ли живешь—спокойно, чисто, безъ обмана. Звѣрь—вѣдь онъ что? Онъ тоже чисто живетъ—не тронь его, и онъ тебя не тронетъ, а и тронетъ, такъ прямо полѣзетъ, не то, что человѣкъ, съ хитростью, да съ подвохомъ. Нѣтъ, „стихія"—она чисто живетъ! Терять себя стали наши зыряне, и не первый годъ идетъ это дѣло. Слушайте, какъ просто было у насъ лѣтъ 50 тому назадъ, когда я еще былъ мальчикомъ: замковъ тогда никто не зналъ, одинъ былъ у насъ замокъ; кто уходилъ изъ дому, тотъ оставлялъ у дверей палку—знакъ, что хозяина нѣту дома, и никто не воровалъ. Бывало, соберутъ общественныя деньги и дадутъ кому-либо изъ стариковъ отнести въ волость.

Помолится старикъ, возьметъ деньги и пойдетъ въ волостное правленіе. Каждому, кто ему встрѣтится на пути, онъ говорилъ:

— „Казна нуа" (казну несу).

Задумавъ отдохнуть, онъ шелъ на земскую станцію, клалъ сумку съ деньгами въ передній уголъ, подъ образа, а самъ уходилъ къ хозяину и тамъ закусывалъ и отдыхалъ. Вѣсть,

что „казна идетъ“, быстро разносилась по селу, но никогда не было случая, чтобы оставленныя безъ призора деньги пропали. А нынче отъ правды, отъ вѣры народъ отвернулся, погнался за деньгами, потому и упадокъ. Ни звѣря, ни рыбы, ни птицы не стало въ краѣ, а все потому, что жадны всѣ стали, каждому надо больше другого, и стали звѣря истреблять безо время. Эхъ, много людей видалъ я, вѣдь, мнѣ ужъ на седьмой десятокъ за половину перевалило, сколько плавалъ я по Сысолѣ и по Вычегдѣ; весь свой народъ я во! какъ знаю. Конечно, я самоучка, но понимать могу. Какъ-то отецъ дьяконъ далъ мнѣ Библію и сказалъ: „На вотъ тебѣ, Василій Ивановичъ, читай—въ этой книгѣ, какъ въ зеркалѣ, увидишь свое лицо“. И вѣрно, въ Библіи отражается все, отъ сотворенія міра и до послѣднихъ дней, въ ней видно весь міръ, всѣ существа.

Меня заинтересовалъ этотъ самобытный зырянскій философъ; его ровная, спокойная рѣчь вѣяла убѣдительностью, чѣмъ-то вѣковымъ, прочнымъ, чего теперь уже почти не встрѣтишь. Я всталъ съ своей колоды и немного отошелъ отъ огня. Внизу, въ темнотѣ, покоилась молчаливая рѣка; гдѣ-то далеко, очевидно на песчаной косѣ, мерцалъ яркій огонекъ, а другой тихо удалялся отъ него по направленію къ намъ, видимо, тамъ рыбаки поѣхали лучить рыбу. Отъ огня до меня донесся обрывокъ разговора; старикъ въ чемъ-то убѣждалъ дядю Ивана:

— ...бур морт оз нов, Иванъ-дядь, оз нов... (добрый человѣкъ, не бойся, дядя Иванъ, не бойся).

Когда я вернулся къ огню, Василій Ивановичъ съ усмѣшкой кивнулъ на Ивана:

— Боится, какъ бы вы чего не сдѣлали, такой, говоритъ, человѣкъ, что ничего не боится, можно ли. Ночное время бродитъ одинъ, ну хоть бы здѣшній, а то и не зырянинъ вовсе, ужъ не колдунъ ли?

Я разсмѣялся:

— Эхъ ты, дядя Иванъ, въ лѣсу живешь—пенькамъ молишься.

Дядя Иванъ всталъ и ушелъ подъ парусъ, натянутый на жерди, въ родѣ односторонней палатки (вычегодскіе рыбаки живутъ подъ такимъ парусомъ съ ранней весны до самаго ледостава); онъ сталъ устраиваться тамъ на ночлегъ и скоро улегся, накрывшись дукосомъ.

— А вы съ устатку не соснете ли?—спросилъ меня Василій Ивановичъ.

— Да, пора бы ужъ на боковую.

Впрочемъ, сразу заснуть намъ не удалось: едва мы улеглись, какъ на той сторонѣ Вычегды поднялся переполохъ среди лошадей, вдругъ съ дикимъ ржаньемъ и храпомъ начавшихъ носиться по лугу. Я поднялся на ноги и сталъ прислушиваться; старикъ тоже поднялъ голову:

— Не иначе опять медвѣдь напалъ на табунъ, ишь какъ бѣсится.

Я взялъ ружье и два раза выстрѣлилъ по направленію къ рѣкѣ, чтобы этимъ отпугнуть звѣря. Отъ выстрѣловъ все словно загрохотало вокругъ, эхо нѣсколько разъ перебросило ихъ съ одной стороны рѣки на другую. Черезъ нѣкоторое время лошади успокоились, слышно было, какъ онѣ фыркали, всхрапывали, и какъ звенѣли глухари (бубенчики), привязанные имъ на шею.

— Ну, видно, испугали вы звѣря,—сказалъ старикъ, снова укладываясь спать,—нынче лѣтомъ не мало онъ, проклятый, скотины загубилъ, а убить его все что-то не удается, опытный, должно быть, медвѣдь.

Я тоже легъ и скоро и крѣпко заснулъ. Когда я проснулся, рыбаковъ въ палаткѣ уже не было, они уѣхали осматривать снасти. Утро вставало ясное, тихое и холодное; за ночь вызвѣздило, и на землю палъ иней. Когда я проснулся, солнце еще только поднималось изъ-за тайги и румянило вершины деревьевъ; вотъ откуда-то появилось облачко, легкое, сквозное, все золотисто-розовое; одно на блѣдномъ фонѣ холоднаго неба, оно плыло навстрѣчу солнцу и становилось все тоньше и прозрачнѣе. Тихо-тихо было вездѣ, только гдѣ-то за рѣкой глухо ворковалъ тетеревъ.

Мнѣ лѣнь было вставать, и я снова закрылъ глаза и лежалъ въ сладкомъ полузабытьи. Гдѣ-то въ сторонѣ прогоготали гуси; вотъ просви-

стѣлъ крыльями крохаль, пролетѣвшій надъ рѣкой; въ лѣсу застучалъ черный дятелъ, и стукъ его частой дробью пронесся въ остыломъ неподвижномъ воздухѣ...

Вторично меня разбудили вернувшіеся рыбаки.

— Долго же спите,—сказалъ Василій Ивановичъ, замѣтивъ, что я пошевелился.

— Куда торопиться? Поспѣю, лишь бы сегодня до Усть-Таша добраться.

— Живой рукой доберетесь, вотъ закусите, и Иванъ-дядь васъ проводитъ, недалеко отсюда тропа есть, путикъ зырянскій, такъ имъ вы быстро дойдете; не больше шести верстъ здѣсь до Усть-Таша.

Закусивъ и попивъ чаю, я собрался въ путь и на прощанье подарилъ рыбакамъ глухарку.

— Не забудьте, напишите то, что я вамъ говорилъ о нашихъ зырянахъ,—сказалъ старикъ, прощаясь.

— Непремѣнно напишу и пришлю вамъ на память.

Иванъ быстро разыскалъ путикъ и указалъ мнѣ направленіе:

— Такъ и иди; ну, счастливо добраться!

— И вамъ счастливо половить и вернуться домой съ хорошей добычей!

— Будешь въ Додзѣ, заходи гостить; съ Василіемъ-то сосѣди мы, домъ съ домомъ.

— Спасибо, случится, такъ заверну.

Мы разошлись. Я снова остался одинъ и побрелъ молчаливой тайгой, держась путика, прихотливой змѣйкой извивавшагося по мхамъ, кочкамъ и лѣсному дрому.

Мысли мои вились около только что оставленныхъ рыбаковъ, около жалобъ старика на гибель вѣковыхъ устоевъ...

Вѣдь онъ, этотъ самобытный зырянскій философъ, такъ неожиданно обрѣтенный мною на берегахъ пустынной сѣверной рѣки, былъ, по своему, правъ въ своихъ взглядахъ на жизнь и людей...

Дѣйствительно, до моего логова оказалось не болѣе шести верстъ, и дошелъ я быстро; послѣ обѣда я нагрузилъ свою лодку „хламомъ“ и добычей и къ вечеру добрался до Маджи.

Когда я разсказалъ Медосу о своихъ похожденіяхъ и встрѣчѣ съ рыбаками, онъ сказалъ:

— Да, въ Додзѣ есть такой старикъ, мы его зовемъ Чикчи-Вась, это вѣрно, что онъ живетъ по старинѣ и грамоту шибко знаетъ, другого такого грамотея и нѣтъ среди зырянъ. Бобыль онъ, вотчину свою отдаетъ исполу, а самъ больше рыбу ловитъ.

Слышно, деньги у него небольшія есть, только просто очень онъ даетъ ихъ всѣмъ, кто ни попроситъ, дастъ и запишетъ въ книгу, а назадъ никогда не спрашиваетъ, говоритъ: „самъ не

несетъ, а я зачѣмъ спрошу? Стало, ему нужнѣе, коли не отдаетъ". Чудной старикъ! „Пишу, говоритъ, затѣмъ, чтобы знать, сколько въ людяхъ еще правды осталось. Раньше больше возвращали, а теперь, все кресты да кресты".

— Такъ и зоветъ онъ эту свою книжку поминаніемъ; вотъ случится быть въ Додзѣ, загляните-ка къ нему—сами увидите, съ Чикчи-Васемъ поговорить всегда любопытно—у него въ головѣ словно двадцать возовъ добрословства.

Однако, въ Додзѣ побывать мнѣ такъ и не удалось, философа я тоже больше нигдѣ не встрѣчалъ, такъ я и не видѣлъ этого поминанія

„Бѣлкованье".

Сборы на промыселъ. Дорога къ зимовью. Охота на бѣлку съ лайками. Кочеваніе бѣлки, ея привычки и образъ жизни. Охота на рябчиковъ и глухаря. Зырянскія ловушки на звѣрей и птицъ. Зырянская пѣсня.

Бѣлкованье! Кто изъ зырянъ можетъ равнодушно слышать это слово? Сѣдые, дряхлые, мшистые старики и тѣ оживляются, глядя, какъ молодежь начинаетъ готовиться въ походъ въ тайгу, на осеннее лѣсованье за бѣлкой. Совѣтамъ и наставленіямъ тутъ не бываетъ конца, и старики суетятся не меньше молодыхъ и не потому, что надѣются отъ своихъ совѣтовъ увидѣть прокъ, а просто такъ—волнуется охотничья кровь, сильнѣе бьется вольное охотничье сердце, да вотъ бѣда—старыя ноги не служатъ больше и съ трудомъ таскаютъ дряхлое тѣло съ печки на лежанку!..

Осеннія полевыя работы въ зырянской деревушкѣ Маджѣ, гдѣ я жилъ эту осень, подходили къ концу: золотистая рожь и житый ячмень были давно сжаты, сметаны въ скирды на гумнахъ, обмолочены; сѣно было тоже запа-

сено на время осенней бездорожицы—распутицы. Охотники (промышленники) уже начинали сговариваться, собираться въ артели и уходить въ осеннее лѣсованье, на промыселъ бѣлки.

Въ этомъ году виды на промыселъ были хорошіе: еще съ весны въ еловыхъ лѣсахъ (по зырянски пармахъ) въ большомъ количествѣ появился клестъ, или ур-кай, какъ его называютъ зыряне, а появленіе ур-кая, по примѣтамъ зырянъ, всегда предвѣщаетъ урожай бѣлки.

Клестъ—это небольшая, довольно красиво и ярко окрашенная птичка, съ страннымъ клювомъ, концы котораго загнуты вверхъ и внизъ; онъ (клестъ) питается сѣменами деревьевъ хвойныхъ породъ (краснолѣсья): ели, сосны и лиственницы, ловко доставая ихъ изъ шишекъ своимъ крючковатымъ клювомъ.

Питаясь однородной пищей съ бѣлкой, крылатый уркай всегда раньше бѣлки провѣдаетъ объ урожаѣ шишекъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ и появится тамъ еще ранней весной, въ то время, какъ бѣлка прикочуетъ туда только лѣтомъ. Вотъ, какъ вѣстника появленія бѣлки, зыряне и назвали клеста уркай (ур — бѣлка, кай—пташка), т.-е. птичка бѣлки или бѣличья птичка. Старые промышленники еще съ Благовѣщенья (25 марта) предсказывали: „сей годъ бѣлки-то будетъ столько, что не кончить (не выбить) намъ ея и къ Зимнему Николѣ“ (6 де-

кабря). И дѣйствительно, лѣтомъ, около Петрова дня, бѣлки прямо наводнили лѣса. Мало того, чтобы онѣ попадались чуть не на каждомъ деревѣ въ лѣсу, онѣ часто забѣгали въ деревню, прыгали по крышамъ строенiй и по заборамъ, преслѣдуемыя стаей собакъ и бандой мальчишекъ. Часто въ это время можно было наблюдать переправу бѣлокъ черезъ широкую и быструю Вычегду: удивительно ловко и быстро переправлялись звѣрки вплавь, пользуясь своимъ пушистымъ хвостомъ, какъ парусомъ. Многiе зыряне ловили въ это время бѣлокъ живьемъ: подъѣдутъ на лодкѣ и намочутъ въ водѣ бѣличiй хвостъ; какъ только хвостъ намокнетъ, отяжелѣетъ, бѣлка плыть больше не можетъ, она начинаетъ тонуть; тутъ ее рыбацкимъ сачкомъ поднимали изъ воды и брали въ плѣнъ. Лѣтомъ бѣличья шкурка никуда не годится, волосъ ея красно-рыжаго цвѣта, короткiй и рѣдкiй, хвостъ и кисточки на ушахъ не пушисты, такъ что бѣлку въ это время не добываютъ, дожидаясь, когда она вылиняетъ, „вычистится" или „выкунѣетъ", какъ говорятъ охотники. Охота за бѣлкой, бѣлкованье, начинается лишь послѣ того, какъ большинство бѣлки станетъ „чистой", т.-е. смѣнитъ красную, лѣтнюю шубку на сѣрую пушистую, зимнюю. Это время совпадаетъ съ концомъ сѣверной осени, съ началомъ октября. Послѣ осенняго праздника—Покрова, артели охотни-

ковъ расходятся по обширнымъ лѣсамъ зырянскаго края и живутъ тамъ до зимняго Николы, т.-е. до тѣхъ поръ, пока установится настоящая зима.

Въ этомъ году и я рѣшилъ присоединиться къ охотничьей артели и уйти на два мѣсяца бѣлковать. Артель наша была невелика, она состояла—изъ двухъ молодыхъ парней, братьевъ, Педэра *) и Микула, меня и моего товарища, Михайлы-дядя или Стука-Мишки, какъ его попросту называли сосѣди.

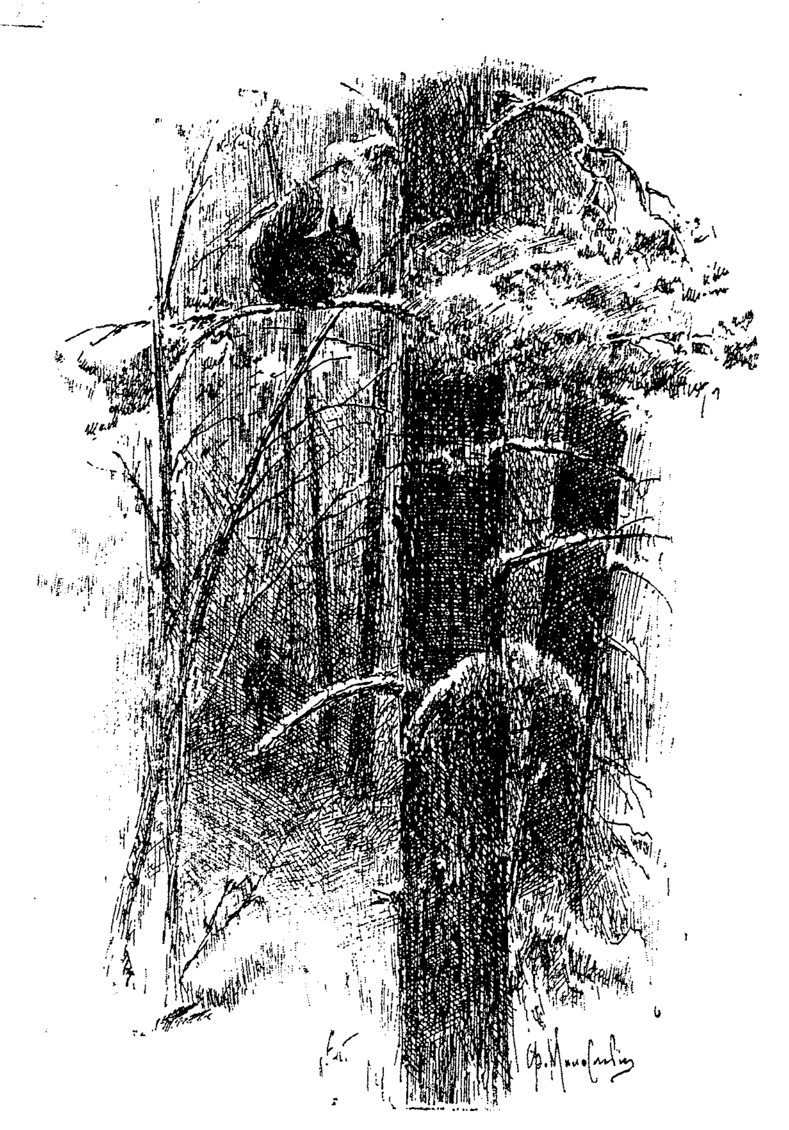
Стукъ былъ опытный, бывалый охотникъ, не первый годъ бродилъ онъ по дебрямъ родного края и зналъ ихъ отлично.

Прозвище „Стука" онъ унаслѣдовалъ отъ отца, вмѣстѣ съ кузницей и знаніемъ кузнечнаго дѣла. Я былъ радъ такому опытному, дѣльному товарищу, отличному знатоку лѣсной жизни.

Два другіе участника нашей артели, Педэръ и Микулъ, также славились, какъ бывалые, удалые охотники, пріученные къ лѣсованью почти съ ранняго дѣтства.

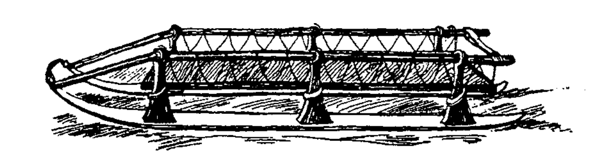
Къ Покрову сборы наши были окончены. Запасы провизіи были снесены на берегъ Вычегды и сложены въ амбаръ, налажены лодки, вычищены и осмотрѣны ружья — оставалось только выступить въ путь. Часть дороги пред-

*) У зырянъ нѣтъ звука Ф, вмѣсто него они произносятъ П.

стояло сдѣлать на лодкахъ, спускаясь внизъ по Вычегдѣ, до самаго устья Ситбаръ-ю, а отъ устья рѣчки до зимовья, или пывзана, пѣшкомъ, таща провизію на нартахъ — особыхъ охотничьихъ санкахъ.

Всего пути до зимовья было „зырянскихъ“ верстъ 30, а, можетъ быть, и больше, никто здѣсь ихъ, эти версты, не мѣряетъ, а по Печорѣ да по Щугору *) считаютъ дорогу даже не верстами а чомкостами, т.-е. разстояніемъ отъ зимовья (чома, чума) до зимовья; иной

чомкостъ бываетъ 6, а иной 20, 30 и больше верстъ... Медленно тянулись послѣдніе дни дома. Нетерпѣніе мое усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ охотниковъ деревни дома оставались только одни мы, а то всѣ уже разошлись по тайгѣ. Насъ задержалъ Михайлодядь съ своими вѣчными неисправностями по хозяйству. Страстный стрѣлокъ и охотникъ, онъ изъ-за охоты постоянно опаздывалъ по крестьянству, кончалъ покосъ иногда въ сен-

*) Р. Печора—на сѣв. востокѣ края, р. Щугоръ ея притокъ.

тябрѣ, молотьбу затягивалъ до Рождества и т. д. Еще отецъ его, Павелъ Стукъ, говаривалъ: „мой Мишка время проводить мастеръ, работу оставитъ, а за чирками *) пробѣгаетъ".

Наконецъ, третьяго октября вечеромъ Михайло-дядь пришелъ и порадовалъ меня, сказавъ, что завтра мы тронемся въ дорогу. Послѣдніе дни я забросилъ всѣ свои дѣла и почти ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ о предстоящемъ лѣсованьѣ. Я наслышался столько

*) Чирки—мелкая порода утокъ; зыряне ихъ бьютъ только тогда, когда можно выстрѣлить въ стаю и однимъ зарядомъ выбить до 5—7 шт.

разсказовъ о лѣсной жизни зырянскихъ охотниковъ, въ глубинѣ почти дѣвственнаго еще лѣса, мало тронутаго рукою человѣка. Цѣлыхъ два мѣсяца я не увижу ни одной газеты, не буду знать о томъ, что происходитъ во всемъ остальномъ мірѣ; зеленая, вѣчно шумящая тайга приметъ меня въ свои объятія, я войду въ ея особую, пока чуждую и таинственную для меня, жизнь.

Мы брали съ собой пять собакъ-лаекъ, особой зырянской породы, остроухихъ и остромордыхъ, всѣмъ своимъ складомъ похожихъ на волка или лисицу. Лайки помогаютъ охотникамъ въ выслѣживаніи звѣря и своимъ лаемъ указываютъ мѣсто его нахожденія. Наконецъ-то, утромъ четвертаго числа и наша партія тронулась. Встали мы на разсвѣтѣ, напились чаю, плотно закусили въ послѣдній разъ домашней ѣдой и отправились нагружать лодки нашимъ багажемъ, или „хламомъ“, какъ говорили мои товарищи. „Хламу“ набралось достаточно: двѣ большія лодки были нагружены настолько основательно, что мѣсто оставалось лишь для собакъ, да сѣсть намъ. Кажется, взято все, ничего не забыто, ни дома, ни въ амбарѣ на берегу. Бѣда, если придется за чѣмъ-либо вернуться съ дороги, это плохая примѣта у охотниковъ: въ чемъ-нибудь да не будетъ удачи; лучше ужъ въ этотъ день остаться дома, а выѣхать на слѣдующій. Но у насъ было все въ порядкѣ,

ничего не забыли, не даромъ же такъ долго собирались. Педэръ и Микулъ сѣли въ одну лодку, а я съ Михайломъ-дядемъ въ другую. Михайло-дядь, какъ старшій и знатокъ рѣки, сѣлъ на кормѣ, а я, въ качествѣ гребца, на веслахъ.

— Ну, съ Богомъ, — перекрестились мои спутники.

— Помогай Богъ.

— Счастливо! Прощайте!—раздавались прощанія съ берега. Лодки сильными толчками веселъ были брошены на волю теченія красивой и мощной Вычегды, и мы быстро поплыли.

— Сы-ынъ, греби, греби,—поощрялъ меня Михайло-дядь, ловко направляя лодку на самый стрежень рѣки. Погода стояла, хотя и пасмурная, но тихая, и красавица Эжва *) спокойно лежала въ своихъ широкихъ берегахъ. Лодки быстро неслись внизъ, подталкиваемыя дружными, сильными ударами веселъ и увлекаемыя быстрымъ теченіемъ. Уплывали назадъ берега, впереди раскрывались новыя панорамы, картины быстро мѣнялись—то къ самой рѣкѣ подходилъ высокій сосновый боръ, кудрявыя сосны толпились у самаго обрыва; многія изъ нихъ упали, неосторожно нагнувшись къ водѣ, и торчали теперь вверхъ корнями, какъ бы моля небо о пощадѣ; вершины этихъ погибшихъ деревьевъ мокли

*) Эжва—зырянское названіе р. Вычегды.

въ водѣ, быстрыя струи играли ихъ вѣтками и, подъ мощнымъ напоромъ теченія, вздрагивали трупы сосенъ, отъ затонувшихъ вершинъ, до простертыхъ въ небо корней. То русло Вычегды отбрасывалось отъ бора далеко въ сторону, и рѣка шла межъ заливныхъ луговъ, оставались назади перелѣски и гривы на лугахъ, песчаныя косы и отмели... Иногда мы вспугивали стаи нырковыхъ утокъ, хохлатой чернеты, гоголей, и стаи эти, съ характернымъ свистомъ крыльевъ, долго носились надъ рѣкой, кружась и выбирая мѣсто присада. Пролетѣла пара запоздавшихъ лебедей, путь ихъ былъ прямо на югъ; тоскливымъ призывомъ звучали ихъ крики, какъ будто звали эти рыдающіе переливы съ собою на югъ въ теплую сторону. Мы долго смотрѣли во слѣдъ лебедямъ, до тѣхъ поръ, пока они скрылись за лѣсомъ. Грустно стало на сердцѣ, какъ будто бѣлыя царственныя птицы унесли съ собой частицу радости. Къ обѣду мы были уже въ самомъ устьѣ Ситбар-ю *), откуда намъ предстоялъ пѣшій путь, еще около десяти верстъ до нашего зимовья.

Вытаскавъ провизію изъ лодокъ и поднявъ ихъ затѣмъ на берегъ, мы развели огонь и подвѣсили къ нему котелокъ и чайникъ на палкахъ, наклонно воткнутыхъ въ землю; эти палки зыряне зовутъ „мотрями“. Быстро по-

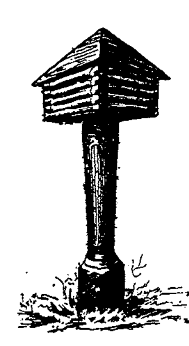
*) Ситбар-ю — рѣчка, притокъ Вычегды, Ю — зыр. обозн. небольшихъ рѣчекъ.

спѣла ѣда—овсяная кашица съ масломъ, и мы въ нѣсколько минутъ очистили отъ нея котелокъ; бросили собакамъ по куску хлѣба, напились чаю съ брусникой, набранной тутъ же, возлѣ привала, и стали собираться въ дорогу. Нечего было и думать взять съ собой весь запасъ провизіи—снѣгу еще не было, а тащить по чернотропу, по пнямъ и кочкамъ, нарты съ багажемъ почти по десять пудовъ на брата было тоже невозможно. Надо было взять съ собой запаса только на недѣлю, т.-е. столько, сколько можно унести въ лазѣ *), а остальное спрятать гдѣ-нибудь здѣсь, и вернуться за нимъ, когда выпадетъ снѣгъ, и будетъ возможно движеніе на нартахъ. Михайло-дядь зналъ поблизости, щамью—особый амбаръ на высокомъ столбѣ, куда зырянскіе охотники складываютъ провизію въ защиту отъ дикихъ звѣрей; исчезнувъ на нѣкоторое время въ лѣсу, онъ скоро вернулся и велѣлъ намъ забрать по мѣшку съ хлѣбомъ и отнести за нимъ въ щамью. Скоро и вся наша провизія очутилась въ безопасности отъ расхищенія звѣрями—медвѣдями и россомахами, большими любителями наводить ревизію въ запасахъ охотниковъ. Лодки мы тоже втащили подальше на берегъ, опрокинули ихъ, а весла отнесли и спрятали въ молодой поросли пихтов-

---

*) **Лазъ—зырянскій охотничій костюмъ съ мѣшкомъ, съ сумой назади.**

ника, туда же убрали и нарты. Начало вечерѣть, когда мы управились со всей этой работой и могли тронуться въ глубь лѣса къ нашей промысловой избушкѣ или—пывзану. На мой вопросъ, какъ же мы найдемъ пывзанъ ночью, да еще въ лѣсу, зыряне только разсмѣялись и успокоили меня тѣмъ, что пойдемъ мы не цѣликомъ, безъ дороги, а „путикомъ“, т.-е. тропинкой, проложенной охотниками. Впереди шелъ Михайло-дядь, за нимъ я, а Педэръ съ Микуломъ замыкали шествіе. Путикъ извивался по зеленому моховому ковру густой пармы, онъ то затеривался между высокими кочками, то перекидывался черезъ трупъ лѣсного великана—громадной ели, умершей отъ старости на корню, а затѣмъ опрокинутой бурею, да такъ и гнившей здѣсь десятки лѣтъ, питая своимъ трупомъ мхи и лишаи. Подъ густымъ навѣсомъ елей было уже совершенно темно въ то время, какъ тамъ — надъ вершинами лѣса — царствовали еще только сумерки осенняго вечера. Звуковъ не было слышно почти никакихъ, ни взлета птицъ, ни ихъ голосовъ; жизнь въ лѣсу какъ будто притаилась, скрылась отъ нашего слуха, отъ нашихъ глазъ. Лѣсъ ревниво берегъ свои тайны, казалось, онъ непривѣтливо, враждебно встрѣ-

Щамья.

чалъ пришельцевъ, осмѣлившихся нарушить его вѣковой покой. Только журчалъ Ситбар-ю на своихъ перекатахъ, но этотъ говоръ воды, однообразный и непрерывный, лишь подчеркивалъ общее угрюмое молчаніе тайги. На цѣлыя тысячи верстъ раскинулось ея зеленое царство—на сѣверъ вплоть до тундры простираются ея границы, а на востокъ нѣтъ ей границъ—тамъ она переваливаетъ за Уралъ и сливается съ безбрежной тайгою Сибири. Цѣлая стихія, цѣлый лѣсной океанъ. Мы медленно подвигались впередъ; собаки весело бѣжали, то рядомъ съ нами, то стороною, онѣ были очень рады лѣсованью: лайки не меньше ихъ хозяевъ-зырянъ привязаны къ лѣсной жизни и охотѣ. Наконецъ-то тропинка сдѣлалась явственнѣй, торнѣе, и Михайло-дядь объявилъ, что мы скоро достигнемъ пывзана, и, дѣйствительно, не успѣлъ онъ намъ этого сказать, какъ лайки съ радостнымъ визгомъ и лаемъ подкрались къ намъ подъ ноги, онѣ прыгали и ласкались; видимо, зимовье было уже близко, и онѣ чуяли конецъ пути. Скоро „путикъ“ вывелъ насъ на небольшую поляну, и мы добрались до пывзана—настоящей избушки на курьихъ ножкахъ, ни дать ни взять изъ старой сказки о Бабѣ-Ягѣ—костяной ногѣ.

Пріятно очутиться, наконецъ, дома, сбросить съ себя тяжелую охотничью амуницію, стянуть

съ ногъ длинные бродни *) и надѣть вмѣсто нихъ теплые мягкіе катанки **), погрѣться у веселаго костра, плотно поужинать, а потомъ завалиться спать въ жарко-натопленной избушкѣ. Звонко застучалъ топоръ и взбудоражилъ дремотное спокойствіе лѣса: тишина смѣнилась гуломъ и трескомъ—мы стали рубить дрова. Трудно было найти ночью хорошія дрова, не толстую сухоподстойную ель; какъ тутъ разберешь сухая она, или еще только завяла? Наконецъ и дрова были нарублены; лѣсная полянка освѣтилась желтоватымъ пламенемъ костра; ночь отступила дальше въ лѣсъ и стала еще чернѣе, она еще плотнѣе закрыла отъ нашихъ глазъ лѣсную жизнь. Михайло-дядь, перекрестившись, полѣзъ въ избушку. Безъ креста, по повѣрьямъ зырянъ, нельзя шагу ступить въ лѣсу—лѣсной духъ, лѣшакъ, такъ и стережетъ, такъ и караулитъ христіанскую душу. Наивное воображеніе зырянъ населило родную природу различными духами: въ лѣсахъ, по ихъ повѣрьямъ, обитаютъ лѣшаки, лѣшіе, въ водѣ васа—водяные, даже дома въ голубцѣ ***) живетъ домашній духъ, хозяинъ-орт. Орт—добрый духъ, если съ нимъ не ссориться и, время отъ времени, ублажать его подачками—щепоткой табаку, кусочкомъ съѣстного; но васа, а въ осо-

*) Высокіе охотничьи сапоги.
**) Валенки.
***) Родъ подвала.

бенности лѣшаки—духи проказливые и большіе насмѣшники. Закружить человѣка въ тайгѣ, испугать его собаку, такъ что она не будетъ отходить отъ ногъ хозяина, забраться въ пывзанъ и тамъ испугать одинокаго охотника—на все это лѣшаки большіе мастера. Передъ ужиномъ мы хорошенько вытопили очагъ въ пывзанѣ, просушили стѣны, очистили нары для спанья и, похлебавъ немудраго варева, забрались въ избушку. Послѣ ужина началось безконечное чаепитіе, благо Ситбар-ю журчалъ гдѣ-то тутъ подъ бокомъ, и за водой было ходить недалеко. Пользуясь тѣмъ, что послѣ ѣды сосредоточенныя угрюмыя лица моихъ компаньоновъ прояснились, на нихъ появилось выраженіе нѣкотораго довольства и добродушія, я завелъ разговоръ о лѣшакахъ и другихъ духахъ. Мнѣ хотѣлось увидѣть, насколько мои товарищи по артели раздѣляютъ общія зырянскія суевѣрія.

— А что, Михайло-дядь, спросилъ я Стука, своими-то глазами видѣлъ ли ты лѣшаго, хоть одинъ разъ въ жизни?

— Не, самому-то не пришлось ни разу, а вотъ От-Васька *) однова совсѣмъ погибалъ въ Абрамовской банькѣ, (чай знаешь, что на Лем-ю **) стоитъ? Большая банька такая, для заготовщиковъ по лѣсной части она была поставлена.

*) От-медвѣдь, От-Васька—прозвище мужика.
**) Лем-ю рѣчка притокъ Вычегды. Лемъ—черемуха.

— Знаю я эту баньку, какъ же, бывалъ вѣдь не разъ и въ эту осень тамъ за глухарями, случалось и одному ночевать, но никогда со мной ничего не случалось.

— Погоди не хвались, похвались, когда случится да не забоишься!

— А что, развѣ тамъ пугаетъ?—направилъ я Стука на нить разговора.

— То-то и есть, что пугаетъ! А вотъ слушай: лонись *) на ярмаркѣ въ Сыктыл-каре **) встрѣтилъ я От-Ваську, и зашли мы съ нимъ къ знакомому человѣку посидѣть и винца выпить. Ну, какъ водится, по одной, да по другой, тары да бары о томъ, о семъ, а потомъ начали хвалиться промысломъ, кто сколько за осень добылъ бѣлки, каковы собаки, да кому какая удача, тогда и разсказалъ мнѣ От-Васька про тотъ случай. Самъ, поди, знаешь От-Ваську, мужикъ онъ ядреный, самъ, что медвѣдь, промышляетъ всегда одинъ, безъ товарища, сколько однихъ медвѣдей ловилъ ***), двадцать три ли, двадцать ли пять сказывалъ; пьяный похвалялся: „мнѣ, говоритъ, медвѣдя убить, что теленка зарѣзать“, а вотъ поди жъ ты, и онъ испугался, какъ пришлось повстрѣчаться съ лѣшакомъ. Дѣло такъ было: промышлялъ онъ въ ту пору

---

*) Лонись—прошлый годъ.

**) Сыктыл-каре—г. Устьсысольскъ Вологодской губерніи.

***) Зыряне часто, вмѣсто убилъ, добылъ, говорятъ ловилъ, поймалъ.

въ Ичет-лемѣ *) съ двумя собаками, забрался далеко, много ужъ и ловилъ бѣлки-то, да все ея было не кончить, „куда, говоритъ, ни пойду, вездѣ есть, все лаютъ собаки, почитай безпеpечь“. Такъ и жилъ съ недѣлю въ лѣсу и въ пывзанъ не ходилъ, а таскалъ хлѣбъ съ собой, въ лазѣ. А вышелъ весь хлѣбъ, подался онъ къ этой самой Абрамовской банькѣ и хотѣлъ тамъ заночевать, да, сказывалъ, и другой промышленникъ, Бѣлоголовъ, туда же пройти собирался. „Займу, думалъ От-Васька, хлѣба у Бѣлоголова, поживу еще дня два въ Ичетъ-лемѣ, а тамъ и домой. Ну, пришелъ это я, говоритъ, къ банькѣ, а снѣгъ тогда ужъ былъ порядочный, трудно безъ лыжъ итти было—усталъ шибко, истомился. Вижу въ банькѣ никого нѣтъ, а у двери мѣшокъ съ хлѣбомъ виситъ, ну, значитъ, Бѣлоголовъ здѣсь и долженъ скоро притти. Взялъ я изъ мѣшка малость хлѣба, поѣлъ, да затопилъ каменку, сижу—жду не идетъ ли Бѣлоголовъ. Ночь уже темная-растемная наступила, а его все нѣтъ. Въ теплѣ разморило меня, и спать захотѣлось. Легъ на нары, а самъ все слушаю—жду...

Должно, потомъ задремалъ, только слышу, сквозь сонъ: шибко сердито лаютъ собаки. Лютра просто вотъ такъ и кидается, ну а Музгаръ ворчитъ только. Потомъ идетъ кто-то,

*) Ичет—малый, лем—назв. рѣчки, Малый лемъ.

отвязываетъ около баньки лыжи и стучитъ ими, снѣгъ стряхиваетъ.

„Ну, думаю, слава Богу, пришелъ Бѣлоголовъ“ всталъ отворилъ дверь—никого. „Видно отошелъ куда за дѣломъ“, подумалъ да легъ опять и должно быть снова крѣпко заснулъ. Долго ли спалъ—не знаю, какъ вдругъ кто-то схватилъ меня за горло, да таково больно. „Господи Іисусе“, перекрестился, вскочилъ, вздулъ огонь—никого нѣтъ!? Легъ опять, задремалъ снова; не знаю ужъ, сколько опять спалъ, какъ вдругъ кто-то опять схватитъ! Началъ я щупать руками около себя — какой-то большой человѣкъ лежитъ рядомъ на нарахъ, толстый да мягкій, какъ безъ костей. Схватилъ я тутъ лазъ, да вонъ изъ баньки, а онъ меня какъ толкнетъ — тутъ у двери и упалъ я на снѣгъ. Отлежался, да бѣгомъ, да бѣгомъ, ужъ насилу отдышался за казенной просѣкой, больше 10-ти верстъ бѣжалъ! Такъ и пришелъ ночью домой. Баба спрашиваетъ: „что ты словно чумовой, лѣшакъ что ли за тобой гнался“, а я молчу, забрался на печку да и дрожалъ до утра“. Вотъ съ той поры и От-Васька повѣрилъ, а до того тоже безстрашный былъ, ровно ты; все бывало смѣется: „бабьи сказки не переслушать, я вотъ съ семи лѣтъ по лѣсамъ хожу, и въ ночи случается, а лѣшаковъ не видалъ“.

— Ну, Михайло-дядь, просто От-Васька угорѣлъ въ натопленной банькѣ, съ угара-то ему

и привидилось; еще хорошо, что испугался да убѣжалъ, а то бы могъ до смерти угорѣть. Вышло такъ, что лѣшакъ-то ему жизнь спасъ,— пошутилъ я.

— Не ладно говоришь, парень,—вмѣшался Педэръ,—а на кого жъ тогда собаки-то шибко сердились?

— Ну, мало ли на кого, мало ли, что могло почудиться собакамъ, наконецъ, можетъ быть, звѣря какого почуяли они поблизости.

— Вѣдь Лютра то у него четырехглазая *),— вспомнилъ вдругъ Михайло-дядь,—а старики сказываютъ, что такая собака верхними глазами лѣшаго видитъ, а ужъ старики знаютъ, зря не скажутъ—небойсь.

Спорить дальше съ этими наивными людьми мнѣ не хотѣлось, все равно безполезно, ихъ не убѣдишь, не докажешь, да и интересъ къ темѣ видимо ослабѣлъ. Микулъ давно аппетитно посапывалъ носомъ, раскидавшись на нарахъ. Начали устраиваться на ночлегъ и мы, и скоро здоровый сонъ овладѣлъ нами. Утромъ задолго до разсвѣта завозился первымъ заботливый Михайло-дядь. Онъ растолкалъ насъ и, забравъ чайники, пошелъ къ Ситбар-ю за водой. Въ пріоткрытую дверь избушки вливалась свѣжая, холодная струя воздуха, слышно было, какъ позѣвывали и потягивались собаки. „Пора вставать, сегодня

*) Имѣющая подъ глазами „подпалины". т.- е. небольшія желтоватыя пятнышки.

первый день лѣсованья“, съ этой мыслью я поднялся съ наръ и одѣлся. Пріятное возбужденіе охватило всего, какъ всегда передъ охотой. Когда я вышелъ на волю, передъ банькой трещалъ ужъ костеръ, надъ огнемъ висѣли чайники, а Михайло-дядь сидѣлъ на корточкахъ и совалъ въ самый огонь свои заскорузлыя руки. Я тихо пошелъ по тропинкѣ къ Ситбар-ю. Въ лѣсу было все еще очень темно,видимо, ночь еще и не думала уходить. Ни звука, ни шороха, спитъ ли лѣсная жизнь, притаилась ли, заслышавъ шаги человѣка? Я умылся студеной водой и пошелъ обратно къ костру.

— „Лок чай юны“ (Иди чай пить),—донеслось приглашеніе Михайлы-дядя.

— „Дзік пыр“ (сейчасъ),—отвѣтилъ я по-зырянски.

Скоро вкругъ огня, на обрубкахъ дерева, возсѣдала вся наша компанія; четвероногіе помощники наши умильно поглядывали на ломти хлѣба, терлись мордами о колѣни и ласково махали хвостами. Пока мы пили чай и закусывали, приблизился часъ разсвѣта—на востокѣ небо начало свѣтлѣть, ночь дрогнула и подалась на западъ. Лѣсъ какъ будто немного ожилъ—по немъ проносился изрѣдка легкій тревожный гулъ, то предразсвѣтный вѣтерокъ пробѣгалъ по вершинамъ деревьевъ. Надо было собираться на промыселъ. Охотники бѣлковщики ходятъ на промыселъ обыкновенно вдвоемъ;

одинъ изъ нихъ вооруженъ ружьемъ, а другой только топоромъ, для „выколачиванія“ бѣлки. „Выколачивать“ бѣлку приходится почти всякій разъ, какъ собака своимъ лаемъ укажетъ ель, на которой затаилась бѣлка. Осенью бѣлка, завидѣвъ охотника, „таится“, т.-е. она очень крѣпко сидитъ гдѣ-нибудь среди густыхъ елей и бородъ лишая; окраска ея шубки въ это время замѣчательно соотвѣтствуетъ сѣрымъ тонамъ мха, поблеклой хвои, стволовъ елей, и разсмотрѣть ее, неподвижно распластавшуюся на сучкѣ, очень трудно даже и острому глазу зырянина. Вотъ, чтобы разсмотрѣть ее и затѣмъ застрѣлить изъ ружья, и надо „тронуть“ ее, заставить пошевелиться. Для этого зырянскіе охотники и употребляютъ пріемъ „выколачиванія“ бѣлки. Они сильными ударами обуха по стволу заставляютъ бѣлку покинуть прикрытіе, перебѣжать по сучьямъ, перепрыгнуть на другое дерево и т. п. Мнѣ предстояло итти въ „парѣ“ съ Михайломъ-дядемъ, стрѣлять вызвался я, а Михайло-дядь шелъ только съ топоромъ, свою еще дѣдовскую „писшаль“ онъ оставилъ въ пывзанѣ. Мы забрали съ собой немного ѣды, небольшой запасъ патроновъ къ ружью и „матку“, зырянскій компасъ, безъ котораго здѣсь рѣдкій охотникъ въ пасмурный день рѣшится углубиться далеко въ тайгу. Мало ли что можетъ случиться въ лѣсу: зайдешь далеко, засвѣтло не успѣешь вернуться къ ночлегу, и ночь за-

глянетъ въ глаза гдѣ-нибудь вдали отъ „путика"; какъ тутъ добраться до ночлега безъ „матки". Ну, въ ясный солнечный день никакой „матки" не нужно. Тогда охотникъ безошибочно опредѣлитъ направленіе, днемъ по солнцу, а ночью по созвѣздію Большой Медвѣдицы. Мы не отошли и четверти версты отъ пывзана, какъ послышался лай нашихъ собакъ. Снѣжокъ, Ласка и Соболь отрывисто взлаивали гдѣ-то въ сторонѣ отъ „путика".

— Ну, слава Богу, починъ промыслу есть, смотри не зѣвай,—подбадривалъ меня Михайло-дядь, и мы повернули на лай; вскорѣ нашли и собакъ. Онѣ стояли подъ большой развѣсистой елью и взлаивали. Иногда то одна, то другая отбѣгали прочь, дѣлали небольшой кругъ и обнюхивали стволы сосѣднихъ деревьевъ, потомъ снова возвращались подъ первую ель. Я всталъ съ ружьемъ немного поодоль и началъ зорко слѣдить—не шевельнется ли гдѣ бѣлка отъ ударовъ обуха, которымъ колотилъ Михайло-дядь по ели. Лайка такъ и впилась глазами въ вершину дерева. Тук... тук... тук... гулко раздавалось въ лѣсу. Задрожала ель каждой вѣткой, каждой иголочкой хвои. Смотрю и ничего не вижу — не трогается хитрый звѣрокъ. Вдругъ собаки неистово залаяли — признакъ того, что бѣлка ими замѣчена; напрягаю зрѣніе изо всѣхъ силъ и, наконецъ, вижу, съ еловой лапы свѣсился кончикъ пушистаго, сѣ-

раго хвоста; видно даже, какъ вѣтерокъ перебираетъ тонкіе волоски, и они тихо шевелятся—это бѣлка не подобрала хвоста, и онъ ее выдалъ. Навести ружье и спустить курокъ было дѣломъ одной секунды. Бѣлка сѣрымъ комочкомъ свалилась внизъ прямо въ зубы лайкамъ. Михайло-дядь отнялъ у собакъ бѣлку и быстро и ловко снялъ съ нея шкурку чулкомъ, сдѣлавъ разрѣзы только около губъ; потомъ онъ разрубилъ на части тушку и отдалъ ее собакамъ. Это дѣлается всегда въ началѣ охоты, для поощренія собакъ, чтобы разлакомить ихъ мясомъ бѣлки, разгорячить запахомъ крови; послѣ этой подачки онѣ горячѣй и усерднѣе ищутъ и преслѣдуютъ звѣря.

Покуривъ, мы тронулись дальше. Погода была на рѣдкость мягкая, теплая; вѣтерокъ налеталъ только временами, гула лѣсного не было. Намъ былъ издалека слышенъ звонкій призывный собачій лай, да и собакамъ не трудно было выслѣживать бѣлокъ, такъ какъ ихъ движенія не заглушались, не скрадывались шумомъ лѣса, какъ это бываетъ въ вѣтреную погоду.

Я дивился способностямъ нашихъ собакъ, ихъ умѣнью выслѣживать звѣря, разобраться въ условіяхъ и безошибочно указать намъ, на какомъ именно деревѣ сидитъ бѣлка. Отъ ихъ зоркихъ глазъ, тонкаго слуха и остраго чутья ничто не можетъ укрыться въ лѣсу. Да, удивительными охотничьими качествами обладаетъ

зырянская лайка. Взятая нѣсколько разъ на охоту вмѣстѣ со старой, молодая собака вполнѣ усваиваетъ свою собачью науку. Она скоро пойметъ, что надо лаять по самому звѣрю, а не по мѣсту, на которомъ былъ звѣрь, пойметъ, какъ находить бѣлку по ея „поѣди“—кожуркамъ отъ шишекъ, падающимъ на землю, научится гнать бѣлку „верхнимъ слѣдомъ“, т.-е. преслѣдовать ее, когда бѣлка идетъ верхомъ, по деревьямъ, ловко перепрыгивая съ одного на другое, иногда безъ остановки нѣсколько верстъ. По разному лаетъ зырянская собака на различныхъ звѣрей и птицъ. Хозяинъ ея всегда опредѣлитъ по лаю, на какую дичь наткнулся его Сѣрко или Соболь, и начинаетъ „подбираться“, т.-е. подкрадываться къ дичи, принимая тѣ предосторожности, которыхъ требуетъ охота на данную дичь. Умная лайка скоро дѣлаетъ различіе между тетеревомъ, глухаремъ, съ одной стороны, и рябчикомъ, съ другой. Азартно лая на первыхъ, она тихонько повизгиваетъ, когда найдетъ рябчиковъ, зная, что рябчикъ очень пугливъ, не выноситъ ни малѣйшаго шума, а не только громкаго лая.

Тихо, неспѣша, пробирались мы дебрями пармы, чутко прислушиваясь, не вздрогнетъ ли лѣсная тишь отъ звонкаго собачьяго лая. Хорошо въ сѣверномъ лѣсу въ тихій, мягкій осенній день. Ноги глубоко тонутъ въ моховомъ покровѣ, шума шаговъ почти неслыш-

но—ихъ скрадываетъ влажный мохъ. Хвойный лѣсъ, въ особенности еловый и пихтовый, парма, какъ его называютъ зыряне — царство вѣчнаго сумрака, влаги, всевозможныхъ мховъ и лишаевъ. Жизни въ немъ мало, онъ вѣчно задумчивъ и молчаливъ—ни громкаго крика, ни сколько-нибудь замѣтнаго движенія. Шорохнется кукша, пропищитъ синичка, да частой дробью раскатится стукъ желны, чернаго дятла, и опять все тихо, молчаливо, таинственно. Отсутствіе яркихъ красокъ, громкихъ звуковъ и рѣзкихъ движеній дѣйствуетъ и на человѣка. Онъ становится сосредоточеннымъ, углубляется въ себя, остается наединѣ со своими мыслями.

Скоро мы приблизились къ притоку Ситбар-ю, Кола-шору,*) и здѣсь наши собаки подняли табунокъ рябчиковъ. Опытные Соболь и Ласка легли и начали тихонько повизгивать, давая намъ знать, что рябчики близко. Молодого, пылкаго Снѣжка пришлось взять на сворку и привязать.

— Пищикъ-то съ тобой ли? — шепотомъ освѣдомился Михайло-дядь.

Я вытащилъ изъ передняго кармашка лаза тонкую дудочку—манокъ на рябчика, которымъ охотники подражаютъ его свисту.

— День сегодня мягкій, надо быть рябки пойдутъ ходко, только понорови, не торопись,

*) Кола—избушка, то же, что и пывзанъ, шоръ—ручей.

зря не ходи, не пугай, а то загонишь рябковъ въ вершинникъ—ни одного не возьмешь,—шепталъ Михайло-дядь,—ему было не по себѣ, что его „писшаль" осталась въ пывзанѣ.

— Ладно, знаемъ, не впервой.

Я зашелъ съ другой стороны, спрятался за ель и началъ приkликать:

т...тии...ти...ти...ти...

Вскорѣ съ другой стороны раздался отвѣтный свистъ рябка, затѣмъ характерный взлетъ его фррр... и рябчикъ сѣлъ на сосѣднюю ель. Спустить его выстрѣломъ было недолго; подобравъ добычу, я отправился подманивать остальныхъ рябчиковъ и взялъ на этомъ мѣстѣ еще три штуки. Остальные отъ гула выстрѣловъ разлетѣлись далеко по сторонамъ, забились въ вершинникъ, на приkличку не шли, хотя голосъ подавали. Потерявъ надежду взять еще хоть одного рябчика, я вернулся къ Михайлѣ, и, отпустивъ собакъ, мы снова тронулись въ путь. Бѣлки было достаточно, то и дѣло наши лайки натыкались на нихъ, и промыселъ нашъ шелъ успѣшно. Убитыхъ бѣлокъ мы затыкали за поясъ, хвостами внизъ, такъ что къ обѣду вокругъ моего стана и у Михайлы образовалась красивая бахрома изъ бѣличьихъ хвостовъ. Въ полдень мы отдыхали и закусывали на берегу Кола-шора, а послѣ отдыха повернули назадъ, рѣшивъ держаться къ ночлегу той сто-

роной Ситбар-ю. Одна изъ попавшихся намъ бѣлокъ оказалась очень тайкой, осторожной. Сколько ни стучалъ Михайло-дядь, сколько ни выколачивалъ ее, она не выказывала ни малѣйшаго признака жизни. Я началъ уже сомнѣваться въ присутствіи бѣлки именно на этомъ деревѣ и высказалъ свои сомнѣнія Михайлѣ, но онъ отрицательно покачалъ головой:

— Соболь никогда не облаивается, надо срубить елку.

Въ первый моментъ мнѣ показалось дикимъ рубить огромное дерево только затѣмъ, чтобы тронуть, спугнуть бѣлку.

— Стоитъ-ли губить такую большую ель,— попробовалъ было я возразить Михайлѣ.

Но онъ даже врядъ-ли и слушалъ меня. Сильными, ловкими ударами топора онъ наносилъ смертельныя раны могучему дереву. Съ каждымъ новымъ ударомъ ель вздрагивала вся до послѣдней иголки, съ шорохомъ посыпались шишки и мягко упали внизъ. Наконецъ, ель затрещала и накренилась, какъ бы задумалась на мигъ, въ какую сторону падать, и вдругъ съ трескомъ и грохотомъ рухнула. Бѣлка въ этотъ моментъ перескочила на другое дерево и сдѣлалась жертвой моего выстрѣла. При взглядѣ на картину разрушенія, произведеннаго нами, мнѣ сдѣлалось какъ-то не по себѣ, жаль сдѣлалось косматой зеленой ели, жаль веселой жизнерадостной бѣлки. Я взглянулъ на Ми-

хайлу, но онъ, видимо, ни о чемъ не жалѣлъ, а съ довольнымъ видомъ затыкалъ бѣлку за поясъ. Лайки вертѣлись тутъ же, слизывая съ бѣличьихъ труповъ липкую темную кровь, въ глазахъ ихъ свѣтился зеленый хищный огонекъ. Вспомнилъ я, что и отецъ Михайлы-дядя, и дѣдъ, и прадѣдъ, и дѣдъ прапрадѣда его вели съ тайгой жестокую, безпощадную борьбу, отстаивая у зеленой стихіи каждую пядь своего поля, каждый кусокъ пищи.

Начинало уже вечерѣть, пора было подумать о возвращеніи къ зимовью. Перебравшись снова черезъ Ситбар-ю по стволу упавшаго дерева, мы повернули къ „путику“. Не доходя немного до тропинки, на насъ нарвался огромный глухарь, очевидно, поднятый гдѣ-то собаками. Я выстрѣлилъ ему встрѣчь, и птица упала, ударивъ меня въ ноги, чуть пониже колѣнъ, такъ сильно, что я чуть не опрокинулся назадъ. Удивленію Михайлы-дядя не было границъ. Зыряне хорошіе стрѣлки по сидячей птицѣ, но никогда не бьютъ ея налету и умѣнье бить въ летъ считаютъ чуть ли не волшебствомъ.

— Отто диво, — хлопалъ себя Михайло по бедрамъ.

— Ну, будетъ дивоваться-то, еще сглазишь и удачи не будетъ,—пошутилъ я.

Въ этотъ день выстрѣлъ по глухарю былъ послѣднимъ, такъ какъ пывзанъ нашъ оказался поблизости, и мы скоро до него добрались.

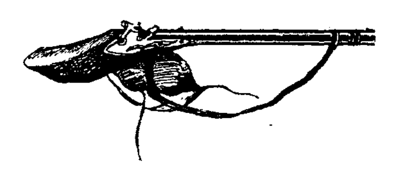

Кузовъ на тетерева.

Педэръ съ Микуломъ пришли раньше насъ и хлопотали вкругъ огня и котелковъ съ ѣдой. Я отдалъ имъ глухаря для овсяной кашицы, а самъ растянулся около баньки на постланныхъ вѣткахъ пихты. Михайло началъ обдирать бѣлокъ и кормить собакъ ихъ тушками. Дневной промыселъ оказался очень удачнымъ, мы съ Михайлой добыли 15 шт. бѣлокъ и двѣ пары рябчиковъ да глухаря, а Педэръ съ Микуломъ по десятку бѣлокъ; рябчиковъ они не стрѣляли, а настораживали на нихъ особыя ловушки-силья. Сладокъ отдыхъ охотниковъ послѣ долгаго трудового дня. Кто на чемъ, расположились мы вокругъ костра, и каждый занимался своимъ дѣломъ. Михайло надувалъ и расправлялъ шкурки бѣлокъ и развѣшивалъ ихъ для просушки, Педэръ рѣзалъ мясо глухаря и бросалъ его въ котелокъ, Микулъ щипалъ тонкую березовую лучину для освѣщенія. Михайло-дядь разсказывалъ о моемъ выстрѣлѣ по глухарю, и Педэръ съ Микуломъ дивились не меньше его. Я увѣрялъ своихъ товарищей, что стрѣльба въ летъ вещь простая и не трудная, что для этого нужна только сноровка да подходящее прикладное ружье. Конечно, изъ зырянскихъ „писшалей“ и винтовокъ сколько ни стрѣляй въ летъ, все равно ничего не убьешь. Зашелъ разговоръ о ружьяхъ.

— Конечно, — сказалъ Михайло-дядь, — съ твоимъ ружьемъ стрѣлять хорошо, стрѣлишь

далеко и скоро зарядишь, зарядъ положишь большой, не подмокнетъ, не осѣчется, да все же намъ то оно не подходитъ. На твое ружье можно вѣдь купить двѣ, а то и три коровы, опять изъ фунта пороху у тебя больше 50-ти зарядовъ не выйдетъ, ну гдѣ тутъ намъ промысломъ оправдать этакое мѣсто денегъ. А ты слушай, какъ въ старину у насъ бывало, да и теперь еще кое-гдѣ есть. Теперь то все больше пистонныя (шомпольныя) писшали у промышленниковъ и не винтовки, а съ гладкимъ стволомъ, дробовки, а въ старину пистонныхъ „писшалей“ не было вовсе, а все кремнёвыя, самодѣльныя винтовки. Для такого ружья изъ фунта свинца выходило отъ 120—180 пуль, а изъ фунта пороха больше 1,000 зарядовъ. Да какъ, сказываютъ, потрафляли еще старики—такой зарядъ пригонятъ, чтобы пуля бѣлку насквозь не пробивала, а оставалась подъ кожей. Одной, вѣдь, пулей пятокъ и больше бѣлокъ стрѣливали.

— Ну, про васъ зырянъ не даромъ слава идетъ, что мастера вы на обухѣ рожь молотить.

— Да ужъ какіе есть—всѣ тутъ, не взыщи; только мы зря заряда не пустимъ, сколько пуль беремъ, столько и промысла принесемъ.

Вотъ ты давеча сказалъ, что, можетъ, облаивается мой Соболь, но и на это у насъ зырянъ пословица есть: старая собака не лаетъ на пустое дерево.

— А много сей годъ бѣлки-то, — промолвилъ Педэръ,—и знатный промыселъ будетъ.

— Не хвастай безо времени, — буркнулъ Михайло-дядь.—Бѣлка-то, парень, почти вся ходовая, можетъ, уйдетъ вся за Камень *), тогда и хвастай.

— А куда это идетъ бѣлка?—спросилъ я охотниковъ.

— А кто ее знаетъ, можетъ за Камень въ Сибирь, можетъ и дальше, никто этого, парень, точно не знаетъ.

— И часто случаются такія перекочевки?

— Да иной разъ лѣтъ пять, а то и всѣ семь не бываетъ бѣлки вовсе, а то вдругъ откуда-то возьмется, какъ сей годъ, и идетъ и идетъ безъ конца. И неизвѣстно, что заставляетъ итти звѣря—кто говоритъ, что за кормомъ идетъ онъ, а вотъ старики сказываютъ, быдто лѣшіе въ карты играть шибко охочи, ну, вотъ либо наши лѣшаки проиграютъ всего звѣря таежнымъ сибирскимъ и гонятъ его за Камень въ Сибирскую тайгу; либо таежные лѣшаки проиграются нашимъ и гонятъ звѣря сюда, по эту сторону Камня. Не только бѣлкой распла-

---

*) Уралъ.

чиваются лѣшаки, а и другимъ звѣремъ и птицей, рябкомъ ли, тетеревомъ, зайцемъ—на что, видно, играютъ.

— А какъ ты, Михайло-дядь, различаешь ходовую бѣлку отъ сѣдуна?

— Видишь ли, у ходовой бѣлки лапки не такъ пушисты, шерсть на нихъ повытерта, ногти притуплены отъ долгаго путешествія, вѣдь, тысячи верстъ идетъ бѣлка, поизноситъ тоже башмаки-то. А сѣдунъ, онъ спокойной жизни и тѣломъ пожирнѣе и шкуркой попушистѣй, да и рѣже идетъ верхомъ отъ собаки.

— Скорѣй бы снѣжку Богъ послалъ, какъ бы про себя промолвилъ Микулъ,—сходили бы за запасомъ, притащили бы все на нартахъ, да и убрали бы въ здѣшнюю щамью.

— Да, бѣда, если долго снѣга не будетъ, придется все на рукахъ носить.

— А не пропадутъ тамъ наши запасы?

— Нѣтъ, пропасть-то не пропадутъ, некому тронуть — звѣрю не достать, а люди у насъ чужого не берутъ. Если кто и возьметъ, то по нуждѣ, такъ ты противъ такого человѣка зла не имѣй, да и не возьметъ никто даромъ, а все что-нибудь взамѣнъ оставитъ,—такой ужъ у насъ зырянъ обычай.

— А все же стали теперь баловать, не то, что прежде было, нѣтъ такой правды въ людяхъ, бывало и въ деревнѣ-то дома не запирались. Уходятъ въ поле на нѣсколько дней, по-

ставятъ наискосокъ въ дверяхъ палку — знай, что хозяевъ нѣтъ дома. Недавно только мы узнали, что за штука желѣзный замокъ, раньше просто было, честно жили, тайно чужого не брали. Ну, а въ лѣсу, слава Богу, и посейчасъ еще воровства почти-что нѣтъ—промышленники не балуютъ.

— А что, Педэръ, не готовъ ли глухарь-то?

— И то готовъ, садись, давай ужинаемъ.

Ароматъ ѣды доносился по вѣтру и пріятно щекоталъ въ носу, дразня голодный желудокъ. Ужинъ былъ скоро уничтоженъ, и охотники забрались въ жарко натопленный пывзанъ; я же остался на волѣ. Хотѣлось побыть одному, прислушаться къ молчанію лѣса, снова пережить въ себѣ дневныя впечатлѣнія. Темнота сгущалась, ночь тихо кралась изъ глубины лѣсныхъ дебрей, и обступала полянку лѣсная жуть. Вверху одна за другой зажигались яркія звѣзды и тихо мерцали въ прогалы деревьевъ; начинало морозить. Собаки, утомленныя охотой, свернувшись калачикомъ, чутко спали возлѣ баньки. Костеръ догорѣлъ, лишь тихо тлѣли подъ пепломъ угли. Ночь все ближе и ближе придвигалась къ банькѣ, обнимала ее плотнѣе, окутывала лѣсною тайной, необычайнымъ спокойствіемъ природы. Лишь Ситбар-ю немолчно разсказывалъ, и то будто сквозь сонъ, лѣсную сказку косматымъ елямъ, и дивной той сказки заслушались сѣдые мшистые великаны,

опустили къ водѣ свои вѣтви лапы и застыли въ сладкой дремотѣ.

Я долго стоялъ и слушалъ рокотъ воды. Нигдѣ человѣкъ не чувствуетъ себя столь одинокимъ, какъ въ сѣверномъ лѣсу тихой, осенней ночью. Не вѣрится какъ-то, что гдѣ-то, можетъ быть, идетъ иная бурная жизнь людскихъ муравейниковъ – большихъ городовъ, гдѣ ревутъ и грохочутъ машины, суетится неугомонная толпа, гдѣ куда-то спѣшатъ люди, одни въ погонѣ за наслажденіями, другіе за кускомъ хлѣба.

Меня окружалъ величественный покой чуждой суровой и враждебной природы. Ночь непроницаемой завѣсой заградила мнѣ выходъ отсюда, съ этой поляны, затерянной въ тайгѣ, а съ небесъ милліонами мерцающихъ глазъ смотрѣли внизъ звѣзды. Жуткое чувство полнаго одиночества, полной оторванности отъ міра охватило меня...

Вдругъ скрипнула дверь пывзана, и показалась голова Микула.

— Юрьичъ,—позвалъ онъ.

— Здѣсь я, а что?

— Иди спать, завтра рано встанемъ.

Мнѣ было жалко нарушеннаго очарованія осенней ночи, было досадно, но дѣлать было нечего, надо было итти спать. Когда я забрался въ пывзанъ, меня тамъ скоро разморило, сказалась усталость, заныли члены, и я заснулъ, какъ убитый. На слѣдующій день мы также

бродили съ Михайлой, стрѣляли бѣлокъ и рябчиковъ; на песчаномъ берегу Ситбар-ю видѣли слѣды перепончатыхъ лапъ выдры. Я выразилъ было желаніе посидѣть на берегу, покараулить выдру, но Михайло рѣшительно этому воспротивился.

— Вурд (выдра) звѣрь шибко чуткій, другого такого еще и нѣтъ, ты только одной ногой ступилъ у рѣчки, а онъ уже слышитъ и прячется и долго не выйдетъ. Зря только проведемъ время; лучше поставить здѣсь капканъ, въ него выдра сама пойдетъ, и караулить не надо.

Пришлось съ этимъ согласиться, и мы пока оставили выдру въ покоѣ. На пятый день нашего лѣсованья подулъ полунощный вѣтеръ — вой товъ *), и въ воздухѣ замелькали снѣжинки. Проснувшись утромъ на слѣдующій день, мы были обрадованы, все кругомъ было бѣло. За ночь насыпало снѣгу вершка на полтора; можно было отправляться за оставленной провизіей. Этотъ день мы потратили на перевозку нашего запаса. Выпавшій снѣгъ продержался недолго. Дня черезъ три онъ стаялъ, и снова образовался чернотропъ, погода снова сдѣлалась мягкой и теплой. Промыселъ нашъ шелъ своимъ чередомъ. Каждый день на зарѣ выходили мы на охоту и возвращались къ вечеру, убивъ

*) Вой—сѣверъ, тов—вѣтеръ.

10—15 бѣлокъ. Добычливость охоты много зависѣла отъ погоды: въ тихую, сухую—выслѣживать и бить бѣлокъ было легче, чѣмъ въ вѣтеръ, а въ особенности въ дождь и слякоть, когда бѣлка почти не выходитъ изъ своего „гойна“—стараго сорочьяго гнѣзда или дупла дерева. Иногда Михайло-дядь уходилъ настораживать свои силки и ловушки, тогда я оставался свободенъ и бродилъ по тайгѣ одинъ въ сопровожденіи Ласки и Снѣжка, въ поискахъ за глухарями и другой дичью.

Однажды я съ вечеру выложилъ изъ кармана „матку“ и, выходя утромъ на охоту, забылъ ее взять съ собой. Въ этотъ день я забрелъ очень далеко, увлекшись выслѣживаніемъ медвѣдя, слѣды котораго я замѣтилъ на мху на берегу небольшого ручья, и подумалъ о возвращеніи къ избушкѣ только въ самыя сумерки. Хватившись „матки“, я вспомнилъ, что забылъ ее на окнѣ въ пывзанѣ, а безъ „матки“ добраться до ночлега у меня почти не было возможности, но дѣлать было нечего, и я брелъ наугадъ.

Когда стемнѣло, ходьба стала очень трудной, я то и дѣло натыкался на валежникъ и нѣсколько разъ падалъ.

Попробовалъ кричать—никто, кромѣ эха, не отзывался. Наконецъ и лайки мои поняли, что я заблудился, онѣ бросили искать, шли рядомъ со мной и то и дѣло взглядывали на меня своими умными глазами и виляли хвостами. Про-

плутавъ часа два по лѣсу, я, наконецъ, выбрался къ ручью и шелъ внизъ по его теченію, въ надеждѣ добраться такимъ образомъ хоть до какого-нибудь пріюта: пывзана другой артели, или даже хоть пустого. Шелъ я тихо, часто останавливаясь и прислушиваясь къ окружающему, но долго не могъ услыхать ни одного звука, обнаруживающаго присутствіе человѣка; наконецъ, откуда-то до меня долетѣло глухое треньканье струны, которому вторилъ сипловатый теноръ, что-то однообразно и скороговоркой напѣвавшій

— Кто это здѣсь поетъ въ такую позднюю пору?—съ недоумѣніемъ подумалъ я, но я все же былъ радъ, что услышалъ голосъ человѣка. Мой Снѣжокъ насторожился и залаялъ. Треньканье и пѣніе смолкло; я все шелъ по тому направленію, откуда оно раздавалось. Пройдя 20—30 шаговъ, я увидѣлъ, что впереди меня сквозь чащу деревьевъ маячитъ тусклый, матовый огонекъ—очевидно, это былъ свѣтъ ночника или лучины въ пывзанѣ, пробивавшійся сквозь закоптѣлое стекло окошка. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ: скоро я подошелъ къ зимовью, изъ дверей котораго выглядывала голова старика.

— Коды мунно (кто идетъ), — окликнулъ старикъ.

— Бур морт; олан-выланъ, порыс кыйс-ысь! (Добрый человѣкъ здравствуй, старый охотникъ).

— Коли добрый — такъ здравствуй, гость будешь.

— Не знаешь ли, дѣдъ, какъ добраться до пывзана Михайлы-дядя, маджинскаго охотника.

— Эва, парень, да до тудова верстовъ 20-ть будетъ, гдѣ ты ночью пойдешь этакую даль?

— Нечего дѣлать, придется у тебя заночевать.

— Говорю: коли добрый человѣкъ—милости просимъ, гости.

— А ты что жъ, дѣдъ, одинъ что ли промышляешь?

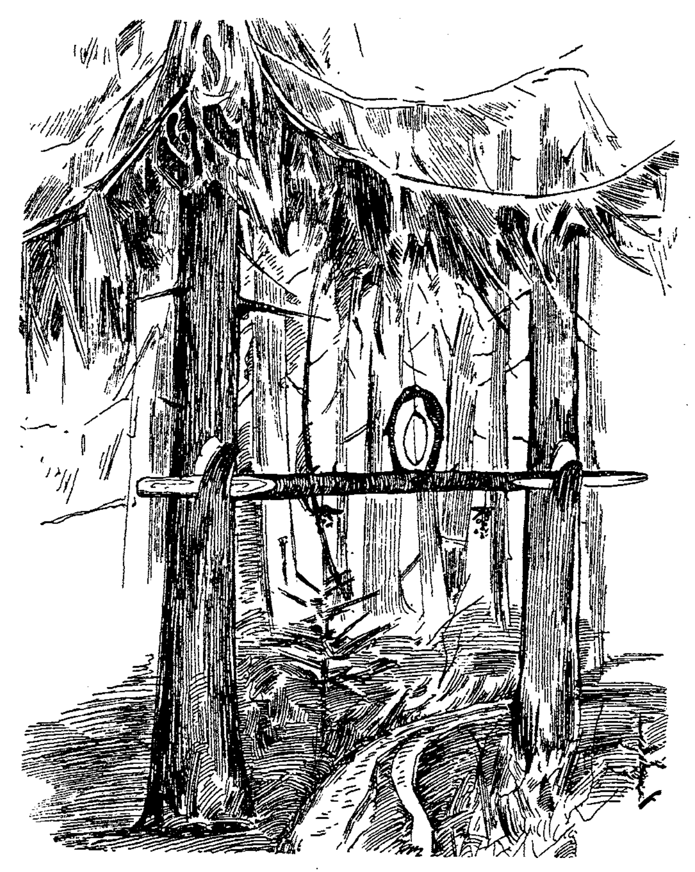
— Одинъ и есть—силья да слопцы на рябчика ставлю.

— Ты что ль пѣлъ, когда я подходилъ къ банькѣ?

Я и есть,—улыбнулся старикъ,—скушно одному.

Я попросилъ у старика котелокъ, ощипалъ и выпотрошилъ пару рябчиковъ и повѣсилъ ихъ надъ огнемъ варить, а старикъ, подробно разспросивъ меня: кто я и откуда и какъ попалъ въ тайгу, снова затренькалъ на какомъ-то таинственномъ инструментѣ и снова запѣлъ.

Дождавшись, когда старикъ кончитъ, я попросилъ у него инструментъ, и тотъ протянулъ мнѣ его изъ баньки. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ обыкновенную пороховую коробку, надъ которой были натянуты струны изъ сильевъ (конскаго волоса); этой

Силокъ на рябчика

убогой музыкой старикъ скрашивалъ свое одиночество въ глухой тайгѣ. Прислушиваясь къ

пѣнію старика, я понемногу разобралъ и слова его пѣсни; вотъ что пѣлъ старый охотникъ:

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Гдѣ же твоя дорога по воду, по воду?
Моя дорога по воду—
У ручья, у ручья, гдѣ куропатка кричитъ.

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Гдѣ же твоя дорога по дрова, по дрова?
Моя дорога по дрова
У бора, у бора, гдѣ глухарь токуетъ.

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Гдѣ же твоя дорога по сѣно, по сѣно?
Моя дорога по сѣно
У болота, у болота, гдѣ журавль курлыкаетъ.

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Въ какую же сторону смотритъ твоя изба, твоя изба?
Моя изба смотритъ на полдень, на полдень.

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Каково же то мѣсто, гдѣ ты живешь?
Мѣсто, гдѣ я живу,
Красивый, красивый берегъ, берегъ;
Веселый, веселый берегъ, берегъ;
Оно подобно хвоѣ, подобно хвоѣ, на которой виситъ выдра;
Подобно пню, подобно пню, на которомъ сидитъ боберъ;
Подобно шишкѣ, подобно шишкѣ, на которой виситъ бѣлка!

Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Чѣмъ же покрыта крыша твоей избы,
твоей избы?
Крыша моей избы
Покрыта льнянымъ холстомъ, холстомъ.
Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Чѣмъ же покрытъ верхъ твоего теремка,
теремка?
Верхъ моего теремка
Покрытъ холстомъ, холстомъ изъ волоконъ
конопли.
Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Твой отецъ умеръ—тебѣ что оставилъ,
что оставилъ?
Хорошую посуду, хорошую посуду, въ
которой ѣлъ глухаря.
Дочка горностая, чабанэ, чабанэ!
Твоя мать умерла — тебѣ что оставила,
что оставила?
Мнѣ оставила
Горшокъ, горшокъ, въ которомъ топятъ
масло.

— Старинная пѣсня, — сказалъ окончивъ дѣдъ.

„Нельзя ли будетъ записать ее, жаль только, нѣтъ съ собой ни пера, ни бумаги; экая досада“, подумалъ я.

Однако, переночевавъ у старика ночь, утромъ я нашелся: вмѣсто бумаги я взялъ нѣсколько листовъ бересты, вмѣсто стального

пера—очиненное перо изъ крыла глухаря, а вмѣсто чернилъ сажу съ каменки, разведенную водой; такимъ образомъ пѣсня была-таки мной записана и сохранена.

Старикъ разсказалъ мнѣ, какъ найти пывзанъ нашей артели, и указалъ направленіе, и я безъ всякихъ приключеній добрался до своихъ товарищей, начавшихъ безпокоиться о моемъ долгомъ отсутствіи.

Однажды Михайла-дядь вернулся раньше времени съ обхода своихъ путиковъ, вскорѣ подошелъ и я; мы расположились у огня въ ожиданіи прихода Педэра и Микула. Вдругъ собаки наши бросились къ небольшой елочкѣ. Видимо что-то на ней привлекало ихъ вниманіе. Съ елочки раздался рѣзкій, пронзительный свистъ.

— Что это такое?—спросилъ я Михайлу.

— А визя-орда, или, по-вашему, бурундукъ. Ишь ты, сатана-омыль *), какъ дразнитъ собакъ-то.

Я подошелъ къ елочкѣ. На сучкѣ, прижавшись къ самому стволу, сидѣлъ прелестный пестренькій звѣрокъ—величиной поменьше бѣлки и не съ такимъ пушистымъ хвостомъ Мѣткіе на прозвища зыряне дали ему названіе визя-орда – пестро-спинка. Увидавъ меня, бурундукъ свистнулъ еще разъ, ловко спрыгнулъ

*) Сатана-омыль — очень употребительное ругательство у зырянъ.

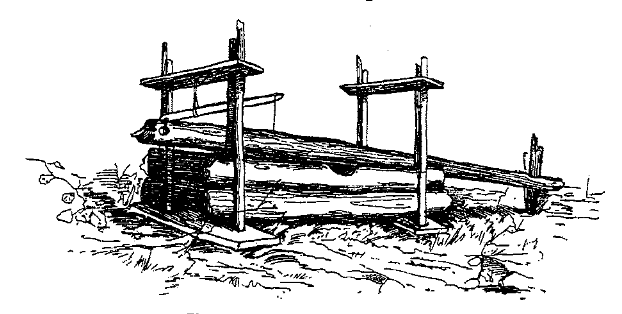
внизъ чуть не на собакъ и проворно взобрался на высокую ель. Собаки было бросились за нимъ, но послѣ нашего окрика сконфуженно отошли къ банькѣ.

— Шустрый звѣрь, что и говорить,—одобрилъ его Михайло-дядь.—Воръ звѣрь—не доглядишь, заберется въ пывзанъ и все испортитъ, все изгрызетъ. Бѣлку тоже сильно обижаетъ. Какъ найдетъ ея запасы на зиму, такъ и перетаскаетъ все, что получше да повкуснѣе, къ себѣ въ нору. А мало ли у бѣлки въ запасѣ добра? Тутъ и кедровые орѣхи и лиственичная шишка, и грибы, и мягкая древесная губа. Не замѣтитъ бѣлка пропажи во время, не отыщетъ вора—пропадай зимой съ голода.

Скоро, однако, подкралась настоящая зима. Заморозило и завьюжило, застонала и застыла тайга. Въ пургу и вѣтеръ нечего было думать о промыслѣ, приходилось отсиживаться въ пывзанѣ. Плохо было въ такую погоду топить каменку или очагъ пывзана—въ дымоходное окошечко и въ дверь, единственные выходы для дыма, страшно задувало вѣтромъ, и дымъ низко стелился по полу, ѣлъ глаза и вызывалъ кашель. Не даромъ зыряне иногда называютъ пывзанъ—кызомъ-керка, т.-е. изба для кашля. Въ такіе дни все время уходило на разговоры, разсказы Михайла-дядя и сонъ. Сладко спалось подъ скрипъ деревьевъ, стонъ и вой дремучей тайги; собаки тоже забирались къ намъ въ

тепло и смирно лежали подъ нарами. Зато хорошо было выйти въ ясный морозный день и бродить по лѣсу, убранному въ сверкающее серебро и бриллiанты.

Съ приходомъ зимы еще тише стало въ лѣсу, замолкъ даже рокотъ Ситбар-ю—заковало нашу рѣчку льдомъ, засыпало снѣгомъ. Еще бѣднѣе сталъ жизнью сѣверный лѣсъ. Оконча-

Ловушка для россомахи.

тельно скрылись дрозды, клесты перемѣстились южнѣе, остались однѣ синички, да дятлы. Только охотникъ, т.-е. человѣкъ, способный подмѣчать жизнь природы даже тамъ, гдѣ другой видитъ лишь мертвый сонъ ея, въ состоянiи замѣтить, что не спитъ тайга и зимой, что теплится жизнь и подъ толщею снѣга. Оживляютъ зимнiй лѣсъ узоры на снѣгу — слѣды звѣрей, неизмѣнныхъ жителей лѣса. Дѣвственно чистая пелена снѣга пестритъ заячьимъ маликомъ, тонкимъ шнуромъ низанаго бисера

вьется слѣдъ кумы-лисы, да рѣдко-рѣдко пройдетъ коварная рысь и оставитъ на снѣгу отпечатокъ своихъ круглыхъ кошачьихъ лапъ. Однажды мы напали на тропу россомахи. Михайло-дядь сдѣлалъ отъ тропы затесы *) къ путику — онъ собирался поймать россомаху въ особую ловушку, устраивать и настораживать которыя зыряне большіе искусники. Ловушка была изготовлена тутъ же въ пывзанѣ при помощи топора и ножа и на другой день насторожена близъ тропы, гдѣ ходилъ звѣрь. Черезъ нѣсколько дней россомаха попалась. Бѣлки мы съ каждымъ днемъ находили меньше и меньше. Видимо, правъ былъ Михайло-дядь, когда говорилъ, что она уйдетъ за Камень. Кромѣ ухода кочевой бѣлки на уменьшеніе добычливости охоты повліяло наступленіе зимы и холодовъ. Теперь бѣлка рѣдко выходила изъ „гойна", большую часть времени проводя во снѣ на мягкой моховой постелькѣ, заготовленной еще съ осени. Какъ-то за цѣлый день мы убили всего три бѣлки, и я сказалъ Михайлѣ, что вотъ всю бѣлку уже кончили, не осталось и на приплодъ.

— Полно говорить пустое,—отвѣтилъ охотникъ:—мало ли еще у Ена (Бога) звѣря, вѣкъ бей—не кончить.

---

*) Замѣтки на деревьяхъ, по которымъ охотники находятъ что-либо.

— А много ли бѣлка въ годъ приноситъ потомства?

— Самъ считай—четыре раза въ годъ приноситъ отъ шести до десяти бѣльчатъ. Стало-быть, выходитъ въ годъ сама двадцать пятая, сама сороковая.

— Ну, вотъ и не били бы бѣлку весной, не мѣшали бы ей размножаться—въ накладѣ бы не были.

— Опять говоришь, парень, пустое, — ну какъ мнѣ не бить, когда Степанъ будетъ бить, Педэръ, Иванъ-дядь? Точно кабы всѣ оставили, да только нельзя этого. Ну, мы Маджинскіе не будемъ бѣлковать весной, а Небдинскіе будутъ - намъ убытокъ. Хоть бы всѣ коми сговорились—опять егра (самоѣды), остяки будутъ бить, а мы въ накладѣ. Нѣтъ, что и толковать—пустое дѣло.

Правъ по своему былъ Михайло-дядь и не понялъ бы онъ моихъ доводовъ, да и слишкомъ ужъ сильны были его совѣтчики—нужда и голодъ. Нужда и голодъ толкаютъ его на хищническое хозяйничанье въ родныхъ лѣсахъ, нужда и голодъ заставятъ его когда-нибудь сдѣлаться бережливымъ и разсчетливымъ. Но не поздно ли будетъ тогда.

Исчезъ въ зырянскомъ краѣ, почти повсемѣстно, драгоцѣнный соболь. исчезаетъ куница, годъ отъ году меньше становится бѣлки, хозяинъ лѣсовъ—медвѣдь, дѣлается ихъ рѣдкимъ

гостемъ; да и сами лѣса гибнутъ отъ топора и пожаровъ. А хозяинъ всѣхъ этихъ богатствъ— человѣкъ, расхищаетъ ихъ безъ толку, безъ смысла, безъ пользы, не думая о завтрашнемъ днѣ.

День за днемъ время незамѣтно шло. Запасы наши уменьшались, зато увеличивался промыселъ – бѣличьи шкурки, рябчики. Время отъ времени мои компаніоны вспоминали о деревнѣ, о домѣ, о гульбѣ на ярмаркѣ въ Небдинѣ. Наше лѣсованье подходило къ концу. Съ каждымъ днемъ снѣгу все подсыпало и подсыпало, ходить по лѣсу безъ лыжъ день ото дня становилось труднѣе, собаки же вязли почти по уши.

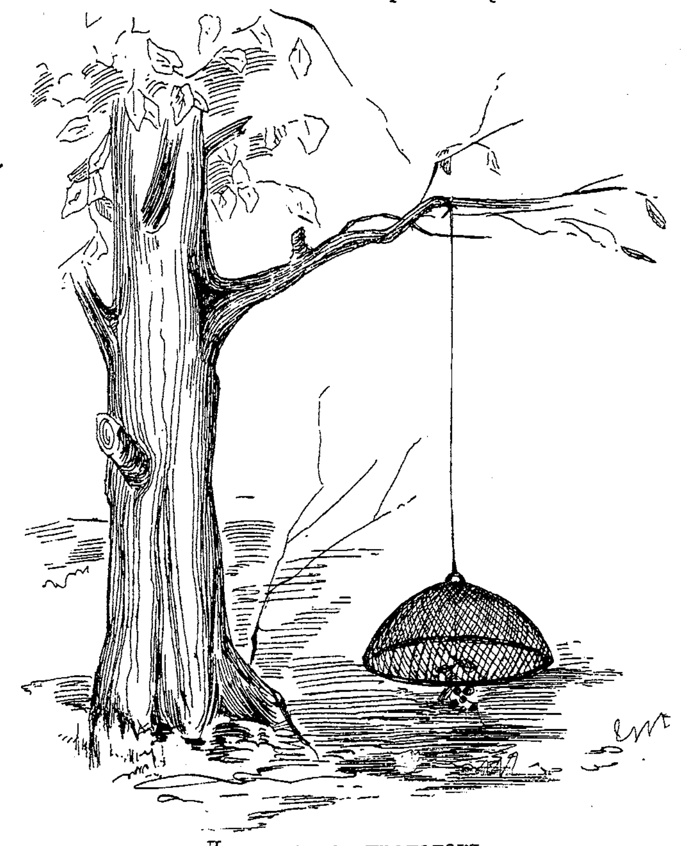
Въ первыхъ числахъ декабря мы стали собираться домой. Въ послѣдній разъ осмотрѣли слопцы и ловушки, собрали ихъ и сложили около баньки, потомъ приступили къ дѣлежу промысла. У зырянъ до сихъ поръ держится вѣками освященный обычай—дѣлить промыселъ поровну между всѣми участниками артели.

Большіе собственники у себя дома, въ деревнѣ, они въ лѣсу отличные товарищи, дѣлятъ по-Божески и трудъ, и опасности, и добычу.

Наконецъ, наступилъ и день отхода.

Медленно двинулись мы изъ лѣсу, таща за собой нарты, нагруженныя нашей несложной рухлядью и добычей. Снѣгъ уже довольно глубокій затруднялъ путь. Пришлось передвигать-

ся на лыжахъ, особаго охотничьяго устройства. Эти лыжи дѣлаются изъ трехъ-аршинныхъ ело-

Ловушка на куропатокъ.

выхъ досокъ и обклеиваются оленьими кысами (мѣхомъ, снятымъ съ ноги оленя осенью, отъ ко-

пытъ до голени). Такія лыжи не сдаютъ назадъ и очень легки на ходу, и снѣгъ къ нимъ, даже и мокрый, не прилипаетъ. Съ большимъ трудомъ двигалась наша процессія. Кто-либо изъ насъ шелъ впереди и прокладывалъ дорогу, дѣлалъ лыжницу, какъ говорятъ охотники; слѣдомъ за нимъ шелъ другой тоже на лыжахъ, а задніе шли уже пѣшкомъ и тащили за собой нарты; собаки же замыкали шествіе. Въ одинъ день намъ нечего было думать добраться до дома, къ тому же и декабрьскіе дни въ зырянскомъ краѣ очень коротки, въ девять часовъ утра едва разсвѣтаетъ, а въ три ужъ почти темно, но мы все же двигались и ночью, такъ какъ дорога была хорошо знакома. Ночевать намъ пришлось на волѣ прямо въ лѣсу. На расчищенномъ отъ снѣга пространствѣ мы построили небольшой шалашъ изъ еловыхъ и пихтовыхъ лапъ, настелили въ него погуще пихтоваго лапника, а съ открытой стороны шалаша всю ночь поддерживали огонь. Между прочимъ огонь этотъ поддерживается зырянами очень интереснымъ способомъ. Прямо на землю или на снѣгъ, когда онъ очень глубокъ, кладется сырая толстая колода, длиною въ зависимости отъ размѣровъ шалаша. Колода эта укрѣпляется на мѣстѣ четырьмя колышками, вбитыми въ снѣгъ или въ землю по ея концамъ. Вверху колоды вырубается жолобъ, на манеръ пазовъ у срубовъ деревянныхъ домовъ.

Въ этотъ жолобъ накладываются горячіе уголья и сверху накрываются другой такой же колодой, но положенной жолобомъ внизъ. Угли тлѣютъ всю ночь, но сырая колода не загорается, а только дымитъ, давая горячій дымъ, которымъ и нагрѣвается внутренность шалаша. Это приспособленіе носитъ названіе нодья. Зыряне спятъ при такомъ отопленіи въ 20-тиградусные морозы, съ разутыми ногами, обращенными къ огню.

Безъ особенныхъ приключеній добрались мы на второй день къ вечеру до Маджи. Съ возвращеніемъ артелей охотниковъ оживилась глухая зырянская деревушка. Разсказамъ и разговорамъ не было конца; одни и тѣ же приключенія передавались съ измѣненіями и дополненіями по нѣскольку разъ; вечерки молодежи тоже оживились съ приходомъ молодыхъ охотниковъ, смѣху и шуткамъ тутъ не было конца. Отдохнувъ день у своихъ хозяевъ, я сталъ собираться въ Устьсысольскъ, куда меня звали дѣла. Прощанье мое съ маджинцами было самое радушное.

— Пріѣзжай еще, ужо весновать пойдемъ съ нами,—приглашали они меня на перебой.

— Спасибо, пустятъ дѣла, такъ пріѣду,— отвѣчалъ я на ихъ радушныя приглашенія.

— Ну, счастливо.

— Прощайте.

Залился колокольчикъ, и кошева помчалась,

подпрыгивая на ухабахъ. Снѣжная пыль засыпала лицо. Вотъ дорога вышла на Вычегду и вьется темной лентой по снѣжной равнинѣ. Тихій морозный вечеръ смѣнился ночью. На сѣверѣ играютъ сполохи и расходятся по небу на подобіе блѣдныхъ сноповъ — это сѣверное сіяніе. Дорога сворачиваетъ со льда, поднимается на берегъ и скрывается въ лѣсу. Мелькаютъ деревья въ своемъ зимнемъ уборѣ. скрипитъ подъ полозьями снѣгъ, гулко потрескиваетъ дѣдко-морозъ по сторонамъ, заливисто звенитъ колокольчикъ. Тепло въ кошевѣ на мягкомъ душистомъ сѣнѣ, не пробраться морозу подъ теплую шубу. Я задремалъ. Безконечная тайга навѣяла на меня свои грезы, свои сны. Грезилось мнѣ, что прошелъ уже вьюжный февраль и наступилъ мартъ; грѣетъ мартовское солнышко, дни длинные, свѣтлые, въ полдень тепло, съ вѣтвей, отягченныхъ хугой *), падаютъ мелкія звонкія капли воды. Хорошо, свѣтло и радостно въ лѣсу. Бѣлка вышла изъ своего „гойна" порѣзвиться, погрѣться на солнышкѣ и поискать пищи; скачетъ она съ дерева на дерево, спустится внизъ, проскачетъ по насту и оставитъ на снѣгу слѣдъ своихъ лапокъ, снова взберется на дерево, сорветъ шишку и проворно шелушитъ изъ нея сѣмена, а то просто грѣется на солнышкѣ, радуясь

*) Хуга—снѣгъ, нависшій на вѣтвяхъ за зиму.

теплу. Все оживаетъ, все радуется въ это время, просыпается тайга, осѣдаетъ, ухая, настъ, выпрямляются нагнутыя снѣгомъ березки; будятъ тайгу тихія улыбки весны, ея первыя робкія ласки...

Грезы мои были внезапно нарушены сердитымъ лаемъ собакъ, зачуявшихъ чужихъ людей. Встрѣчь намъ попался обозъ, и намъ пришлось уступать ему дорогу.

— Оланъ-выланъ! (здорово).

— Здравствуешь! Куда Богъ несетъ?

— Сыктыл-каре. (Въ Устьсысольскъ).

— Помогай Богъ.

Снова залился колокольчикъ, засвисталъ въ ушахъ морозный вѣтеръ... Мысль возвращалась назадъ къ только что оставленнымъ людямъ:

— Какъ-то проживутъ зиму мои недавніе товарищи по лѣсованью?

Погуляютъ на ярмаркѣ, продадутъ пушнину и рябчика, поставятъ ребромъ не одну копеечку, погрѣютъ душу стаканомъ-другимъ зелена вина, а то чистаго спирта. Въ хлопотахъ по дому да въ гульбѣ и отдыхѣ пройдутъ декабрь и часть января, а тамъ снова сборы на второе, весеннее, лѣсованье.

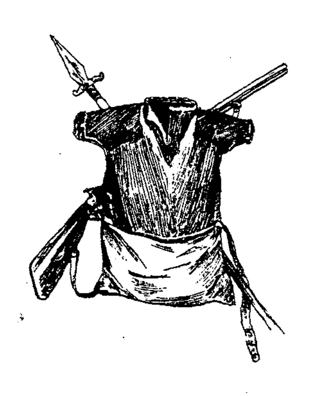
Къ Благовѣщенью вернутся они снова домой (зыряне считаютъ большимъ грѣхомъ промышлять въ праздникъ Благовѣщенія), отпразднуютъ Пасху, а тамъ пахать и сѣять; незамѣтно придетъ май и іюнь, а тамъ и Петръ

и Павелъ—начало страдной поры. Потомъ дожидай осени, уборки хлѣбовъ, молотьбы, а вотъ и Покровъ у порога — пора итти на бѣлкованье. И такъ изъ года въ годъ, отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ, тянется суровая трудовая жизнь; вѣчная борьба съ угрюмой суровой природой сѣвера.

Въ починкѣ Човскомъ.

Зырянская свадьба. Охота на медвѣдя.

Минули веселыя святки. Я успѣлъ славно отдохнуть отъ лѣсованья съ маджинскими охотниками и жилъ у своего неизмѣннаго пріятеля, Никиты Григорьевича, въ Устьсысольскѣ и, такъ какъ дѣла у меня не было никакого, я страшно скучалъ, временами мнѣ думалось: „занесло меня въ эту дыру; въ Москвѣ-то теперь какъ хорошо — концерты, театры, улицы, залитыя мягкимъ электрическимъ свѣтомъ, гуляющая нарядная толпа...“

Никита Григорьевичъ часто уѣзжалъ на заготовку заграничнаго отпуска въ дѣлянки; онъ

пропадалъ тамъ дня по три, по четыре, и безъ него я прямо-таки не зналъ, куда дѣваться отъ скуки. Однажды онъ уѣхалъ верстъ за 60, обѣщалъ черезъ три дня вернуться, но не вернулся и на пятый день, и я началъ было уже безпокоиться за участь своего пріятеля, какъ вдругъ въ ночь на шестой день Никита Григорьевичъ, съ обычнымъ звономъ и шумомъ, влетѣлъ во дворъ на своей гусевой парѣ; грѣшный человѣкъ любилъ онъ бѣшеную ѣзду и не щадилъ лошадей.

Не успѣлъ я зажечь лампу и одѣться, какъ мой пріятель вошелъ ко мнѣ въ комнату, какъ былъ, въ дохѣ и валенкахъ, заиндивѣлый, какъ самъ дѣдка-морозъ.

— Олан-вылан! Ну, муса мортъ, хочешь пировать на зырянской свадьбѣ?

— Ты что ль жениться собираешься, или еще кто?

— Педэръ изъ Човскаго починка дочь отдаетъ; сегодня попался мнѣ встрѣчу, такъ къ нему... очень звалъ.

— Ну, что жъ, ѣдемъ, только надѣюсь не сейчасъ?

— Нѣтъ, завтра, а еще... не знаю ужъ говорить ли?

— Что тамъ еще у тебя за новость?

— А такая, отъ которой ты спать не будешь!

— Ну, что еще? Началъ, такъ договаривай, а то бы лучше держалъ языкъ за зубами.

— На медвѣдя хочешь?

— То на свадьбу, то на медвѣдя, да скажи ты толкомъ...

— Дай раздѣться — за самоваромъ мы съ тобой чередомъ потолкуемъ.

Вскорѣ мы сидѣли за самоваромъ, и Никита Григорьевичъ говорилъ:

— Медвѣдь лежитъ недалеко отъ Човскаго починка, гдѣ мы будемъ гулять на свадьбѣ, во всякомъ случаѣ не дальше 20-ти верстъ; стало-быть до починка на коняхъ, а тамъ на лыжахъ.

— А ты, Григорьевичъ, сумѣешь вырваться на эту охоту?

— Охъ, не знаю, братъ, съ этими проклятыми дѣлянками совсѣмъ я съ панталыку сбился. Только поѣду ли, не поѣду ли, а От-Ваську надо будетъ пригласить непремѣнно.

— От-Ваську? Я давно хочу съ нимъ познакомиться.

— Вотъ и ладно, кстати увидишь, каковъ онъ на дѣлѣ, завтра же пошлю за нимъ.

На другой день къ намъ пришелъ и От-Васька, или Василій Клыковъ, онъ же знаменитый зырянскій охотникъ-медвѣжатникъ.

— Вотъ и нашъ зырянскій звѣробой—знакомься,—сказалъ Никита Григорьевичъ, вводя ко мнѣ Клыкова.

Я пожалъ могучую, заскорузлую лапу зырянина и пригласилъ его сѣсть:

— Пукси (садись).

— Пасибо.—Клыковъ сѣлъ и мы начали наше совѣщаніе.

От-Васька былъ великъ ростомъ, неуклюжъ, до невозможности лохматъ, какъ будто весь онъ обросъ мохомъ—въ лѣсу его можно было принять за старый, мшистый пень дерева. Лицо охотника красное и пообвѣтренное, съ сильно отмороженнымъ широкимъ типично-зырянскимъ носомъ, было бы безобразно, если бы не носило отпечатка чисто дѣтской мягкости души, безконечной безпечности и добродушія.

Въ комнатѣ онъ былъ замѣчательно неловокъ, какъ будто и стѣны, и потолокъ крайне стѣсняли его—ни дать ни взять громадный, добродушный медвѣдь въ неволѣ, еще не свыкшійся съ клѣткой *).

Условились такъ: послѣ обѣда ѣхать въ Човскій починокъ къ Педэру, который, собственно, еще по осени, и нашелъ берлогу, но какъ неохотникъ бить медвѣдей, уступилъ ее намъ; отъ Педэра мы должны были итти до самой лежки звѣря на лыжахъ, взявъ съ собой нарты съ теплой одеждой и запасомъ ѣды; кромѣ этого, рѣшили взять трехъ собакъ: опытную медвѣжатницу Лютру От-Васьки, да моихъ Ласку и Снѣжка.

— Ѣдемъ на одной,—сказалъ Никита Гри-

*) Недаромъ мѣткіе на названія коми дали ему прозвище От-т.-е. медвѣдь.

горьевичъ, когда От-Васька ушелъ собираться,—придется верстъ пятнадцать ѣхать лѣсомъ, и дорога тамъ, поди, очень плоха; на парѣ не сообразиться.

— На одной, такъ на одной,—мнѣ все равно.

— Укладывай хламъ въ сани, а я пойду запрягать.

Минутъ черезъ двадцать мы выѣхали изъ воротъ домика Никиты Григорьевича; его лохматая, гнѣдая, малорослая лошаденка сразу взяла бойкой рысью; Ласка и Снѣжокъ, соскучившіеся по охотѣ, съ радостнымъ лаемъ висли у нея на мордѣ и кувыркались въ сугробахъ отъ избытка счастья.

У керки Клыкова уже стояла запряженная лошадь, и самъ онъ возился около саней, что-то укладывая. Увидѣвъ насъ, онъ крикнулъ:

— Сейчасъ!—скрылся зачѣмъ-то въ избу и, наконецъ, вышелъ совершенно готовый.

— Ну, съ Богомъ!—От-Васька сѣлъ въ сани и погналъ лошадь впередъ, мы тронулись слѣдомъ за нимъ; отъѣхавъ немного, Клыковъ остановился:

— Юрьичъ! Ты бы посадилъ собакъ-то въ сани.

— Зачѣмъ? Пусть пробѣгутся.

— Не ладно, парень, устанутъ, злости въ нихъ не будетъ.

— А, вѣдь, и то правда.—Съ трудомъ я поймалъ собакъ и усадилъ ихъ въ сани.

Ходкой рысью бѣжали лошадки, мягко поскрипывалъ снѣгъ подъ полозьями, мелькали мимо деревья въ снѣжномъ уборѣ, суетливыя сороки на деревенскихъ изгородяхъ и застрѣхахъ, краснозобые снѣгири и хохлатыя свиристели на кустахъ рябины, безчисленные слѣды зайцевъ по сторонамъ дороги — все это такъ знакомо, такъ мило съ самаго дѣтства. Дорога меня убаюкивала; окружающая обстановка навѣвала безмятежный покой, и я заснулъ.

Проснулся я только отъ налетѣвшаго, невѣдомо откуда, гика и свиста и нестройнаго пѣнія; открылъ глаза: вижу мы стоимъ, своротивъ въ сторону, а мимо насъ несутся лошади вскачь; въ саняхъ сидятъ дѣвушки и парни—это дружки ѣхали на свадьбу Одэ, дочери Педэра.

— Пускай передомъ проѣдутъ—лѣсомъ наторятъ дорогу, намъ легче будетъ, — сказалъ мой пріятель.

Пропустивъ поѣздъ, мы тронулись дальше.

— Будетъ теперь гулянье у Педэра недѣли полторы, а можетъ быть и двѣ, только и дѣла будетъ, что праздничать, да вино пить—иначе у насъ не умѣютъ.

— А куда Педэръ выдаетъ свою дочь?

— Говорятъ, за какого-то Выльгорскаго, въ большую семью; оттого такой большой обозъ и промчался: все сватья, да братья жениховы.

— Значитъ, вѣнчать завтра будутъ?

— Завтра рано утромъ выѣдутъ цѣлымъ

обозомъ въ церковь, а потомъ къ жениху, и пиръ горой.

— Такъ это за невѣстой промчалась молодежь?

— Да, сегодня косу распускать ей будутъ, одѣвать бабій повойникъ, а она будетъ голосить. Ты еще не слыхалъ плача зырянскихъ невѣстъ?

— Не доводилось еще...

— Вотъ услышишь.

Торная „большая" дорога пошла дальше, а мы своротили въ лѣсъ. До Човскаго починка оставалось не больше десяти верстъ плохой дороги, такъ какъ большой ѣзды тутъ не было ни зимой, ни лѣтомъ—починокъ стоялъ совершенно уединенно въ глухой тайгѣ, на берегу рѣчки Чов-ю.

Въ Зырянскомъ краю и посейчасъ поселеніе еще рѣдкое, свободной земли много — знай крестьянствуй, а не хватаетъ вотчины, отвоевывай землю у лѣса: вырубай его, раздѣлывай подсѣки, расчищай сѣнокосы по таежнымъ рѣчкамъ, а если это не сподручно, то можно и совсѣмъ переселиться на новое мѣсто, куда-либо въ парму, на высокій, угорный берегъ лѣсной рѣчки — казна охотно отводитъ земли поселенцамъ подъ такіе починки. На новомъ мѣстѣ приволье поселенцу — шагъ за шагомъ онъ оттѣсняетъ тайгу отъ своей керки; топоромъ и огнемъ очищаетъ кормилицу-землю отъ

лѣсного и мохового покрова, открываетъ ее солнечнымъ лучамъ. Тутъ же по рѣчкѣ и сѣнокосы; роскошныя травы никогда здѣсь не знали косы, извѣчно росли, цвѣли и вяли, тоскуя по ней. И рыбы вдосталь въ такой рѣчкѣ: на быстрыхъ перекатахъ играетъ харіусъ (родъ форели), гоняясь за мушкарою; въ омутахъ, подъ тѣнью тростниковъ и осоки, таится хищная щука; не мало здѣсь краснoперыхъ прожорливыхъ окуней и серебристой сорочи (плотвы). Охотничій промыселъ также бываетъ не плохъ по этимъ мѣстамъ; изрѣдка по рѣчкѣ можно добыть выдру и норку, въ густой прирѣчной уремѣ водится не мало зайца-бѣляка, по ручьямъ и въ окрестной пармѣ гнѣздится рябчикъ, въ моховыхъ болотахъ и по бору—глухарь и тетеревъ.

Вокругъ жилья и въ зародахъ сѣна поселятся мыши, а за ними пожалуетъ горностай. Глядишь, около такого починка и охотничья тропа-путикъ налаженъ, а на немъ разставлено нѣсколько сотъ ловушекъ. Этотъ путикъ хорошее подспорье хозяйству; заботы мало, а все что-нибудь да попадаетъ; трудъ небольшой осмотрѣть ловушки разъ, два въ недѣлю, на эту работу и подростки годны.

Вотъ такимъ-то поселенцемъ былъ и Педэръ, къ которому мы ѣхали на медвѣдя.

Своротивъ въ лѣсъ, мы должны были ѣхать шагомъ, такъ какъ дорога то и дѣло бросалась

изъ стороны въ сторону, въ объѣздъ упавшихъ деревьевъ, и быстрая ѣзда по ней была рискованна.

Порядкомъ уже стемнѣло, а починка все еще не было, дорога шла то глухой, еловой

Петля на тетерева.

пармой, то выходила на пожни рѣчки Чов-ю, то снова пропадала въ лѣсу; намъ уже прискучило ѣхать, и мы, вполнѣ положившись на опытность и умъ Гнѣдко, сладко дремали въ саняхъ. Вдругъ гдѣ-то впереди послышался лай собаки.

— Ну, слава Богу, сейчасъ доберемся,—сказалъ Никита Григорьевичъ.

„Славно теперь погрѣться у самовара, а Топтыгинъ, поди, лежитъ и не чуетъ того, что гроза близко, и что завтра ему придется спасать свою шкуру“, подумалось мнѣ.

— Но, милый, но!—сталъ понукать своего Гнѣдко, мой пріятель,

Черезъ четверть часа мы уже въѣхали въ починокъ и остановились у керки Педэра. Педэръ стоялъ съ фонаремъ на крыльцѣ и весело встрѣчалъ насъ:

— Оланъ-выланъ, гости дорогіе, входите въ керку, а лошадей ужъ я обряжу и на дворъ поставлю. Озябли чай?

— Не очень, а все же чайкомъ погрѣться хорошо.

— Самоваръ на столѣ, дружки жениховы да подружки Оде за часъ до васъ пріѣхали, теперь чаевничаютъ.

Мы вошли въ керку, тамъ насъ встрѣтила хозяйка Анна; невѣсты Одэ въ керкѣ не было, она съ подружками находилась въ горницѣ. Десятка два парней сидѣли за большимъ столомъ и пили чай, усердно подливая въ него водку; насъ они радушно приняли въ свою компанію.

Изба зырянина, керка—помѣщеніе довольно просторное; она обычно состоитъ изъ двухъ частей: чистой горницы и избы съ русской

печью и большими полатями, на которыхъ можетъ улечься человѣкъ 10—12. Кромѣ полатей, у печки дѣлается еще особый прилавокъ, такъ что и на печи, благодаря ему, очень просторно. Зырянинъ любитъ сидѣть на печи въ долгіе зимніе вечера; часто туда забирается вся семья и сидитъ тамъ, слушая разсказы стариковъ, или обсуждая какія-нибудь новости. Въ керкѣ зажиточнаго „коми“ нерѣдко встрѣтишь обои и выкрашенные масляной краской полы, занавѣски на окнахъ, вообще городской, мѣщанскій шикъ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда начали „обряжать“ невѣсту. Одэ съ зачесанными по-бабьи волосами и въ повойникѣ вышла изъ горницы и сѣла „подъ образа“ за столъ, слезы лились ручьемъ изъ ея глазъ, она всхлипывала и причитывала.

При послѣднихъ словахъ своего причитанья Одэ расплакалась навзрыдъ, плакала и мать ея Анна.

— Не люблю, когда голосятъ бабы, — бурчалъ От-Васька: — чего ей ревѣть? Кабы силкомъ выдавали, а то идетъ по охотѣ, женихъ, Иванъ, парень хорошій, дѣльный промышленникъ, жить будетъ хорошо... Ужъ у этихъ бабъ такая повадка — ничего не видя ревутъ, какъ коровы.

Обрядъ прощанія невѣсты съ родительскимъ домомъ еще продолжался, какъ мы уже убрались въ горницу и улеглись спать. До насъ

все время доносились то причитанія Одэ, то рыданья Анны; казалось, конца не было этому плачу; однако, усталость одолѣла, и мнѣ удалось заснуть.

Утромъ Никита Григорьевичъ, заботливо вставши раньше, толкалъ меня подъ бокъ и напѣвалъ надъ самымъ моимъ ухомъ свою любимую пѣсню:

— Трубите скорѣй! Пора на коней,
Ужъ солнце восходитъ высоко,
И ждетъ насъ давно толпа егерей;
Мы поскачемъ сегодня далеко!

— Эй, муса мортъ, медвѣдя проспишь, вставай!

Въ домѣ была тишина—всѣ уѣхали въ Выльгортъ на свадьбу, осталась только старуха мать Педэра — Марья, да его племянникъ Андрей, который долженъ былъ насъ сопровождать на берлогу. Я быстро всталъ и одѣлся. Въ избѣ бурлилъ и клокоталъ самоваръ, согрѣтый старой Марьей; Ог-Васька и Андрей накормили собакъ и, привязавъ ихъ на сворку, вывели на дворъ; Никита Григорьевичъ налаживалъ ружье, словомъ сборы были въ полномъ разгарѣ.

Послѣ чая, нагрузивъ наши запасы на нарты, мы всѣ вчетверомъ встали на лыжи и отправились на берлогу. Было еще совершенно темно, но Андрей отлично зналъ дорогу и увѣренно шелъ впереди насъ; собакъ, всѣхъ трехъ,

мы вели на своркѣ, чтобы онѣ раньше времени не спугнули звѣря. Путь нашъ сначала шелъ пармой, потомъ мы поднялись въ боръ и долго шли сухоборомъ; полная тишина царствовала въ лѣсу; ни звука, ни шороха, точно вся жизнь притаилась и замерла. Около полудня мы подошли къ какому-то ручью.

— Даса-шор *), — сказалъ Андрей, — скоро и берлога.

— А не худо бы подкрѣпиться, — предложилъ я.

— Ну, что жъ, давайте закусимъ, да отдохнемъ, а тамъ и за дѣло.

Мы расположились на нартахъ, наспѣхъ закусили и снова тронулись дальше.

Наконецъ, около одного частаго и буреломнаго мѣста Андрей остановился и тихо сказалъ:

— Здѣсь, недалеко.

Мы удвоили нашу осторожность, стали говорить шепотомъ; От-Васька предложилъ пойти хорошенько высмотрѣть берлогу:

— Стойте-ка здѣсь, потише, а я пойду высмотрю.

Куда дѣвалась его обычная неуклюжесть и неповоротливость. Передъ нами какъ-будто стоялъ другой человѣкъ: От-Васька словно подобрался, члены его получили необыкновенную гибкость и ловкость, движенія—разсчитанность

*) Названіе ручья.

и увѣренность. Онъ безшумно, словно кошка, подошелъ на лыжахъ къ большой грудѣ валежника и дрома шагахъ во ста отъ насъ и, пригнувшись, началъ что-то осматривать на снѣгу; потомъ зашелъ съ другой стороны, потрогалъ зачѣмъ-то сосѣднюю ель и вдругъ полѣзъ прямо наверхъ этой груды бурелома. Никита Григорьевичъ ворчалъ:

— Ну, куда лѣзетъ? Вѣдь, медвѣдю только лапой цопнуть и прощай.

Черезъ минуту От-Васька махнулъ намъ рукой, мы подошли.

— Нѣту здѣсь звѣря.

— Да ты почемъ знаешь?

— Потому и знаю, что нѣтъ, давай собакъ, только не спускай со сворки.

Я подвелъ Лютру; та потянулась къ берлогѣ, понюхала носомъ, потомъ спокойно улеглась на снѣгъ.

— Говорилъ нѣтъ,—видишь собака не чуетъ, пуста берлога.

Подошелъ Андрей. От-Васька спросилъ его:

— Когда жъ ты здѣсь видѣлъ медвѣдя?

— Около Покрова, снѣгъ тогда еще только выпалъ.

– Ну, такъ тутъ его нѣтъ; оттепели были, а мѣсто сыроватое – водой его выгнало; надо искать въ другомъ мѣстѣ; спусти-ка Лютру.

Почувствовавъ себя свободной, Лютра быстро вскочила на ноги, забралась на пустую бер-

логу, обнюхала въ ней какое-то отверстіе и затѣмъ, утопая по уши въ снѣгу, пошла отъ нея въ сторону. От-Васька тоже не терялъ времени, онъ внимательно осматривалъ мѣстность, видимо что-то соображая.

Я и Никита Григорьевичъ медленно шли по лыжницѣ зырянина, съ интересомъ слѣдя за его дѣйствіями.

Вдругъ Лютра ощетинилась, злобно заворчала и увѣренно потянула къ нѣсколькимъ упавшимъ другъ на друга елямъ, сильно засыпаннымъ снѣгомъ, образовавшимъ здѣсь цѣлый огромный бугоръ.

— Тутъ и есть, — шепнулъ намъ От-Васька:—ну-ка, спускай собакъ.

Ласка и Снѣжокъ бросились къ Лютрѣ и, почуявъ звѣря, котораго они видѣли первый разъ, какъ-то нерѣшительно, боязливо заворчали...

Развязавъ лыжи, мы встали шагахъ въ 12-ти отъ берлоги, готовые стрѣлять, какъ только покажется звѣрь, а От-Васька срубилъ молодую ель, подчистилъ у нея немного нижніе сучья и всунулъ этого „ерша“ въ берлогу. Мишка не подавалъ и признака жизни, несмотря на то, что „ершомъ“ его, очевидно, задѣло.

— Хитрый сатана. Эн мича чужом,—выругался зырякъ:—усь, Лютра, усь!

Неподвижность звѣря видно немного обод-

рила собакъ, и онѣ стали смѣло лѣзть въ берлогу; Лютра такъ даже на мигъ совершенно исчезла подъ снѣгомъ, но вдругъ волчкомъ вылетѣла оттуда, и вслѣдъ ей раздались первыя октавы медвѣдя.

— А, забрало!—ухмыльнулся От-Васька и еще пошевелилъ „ершомъ".

Медвѣдь взревѣлъ сильнѣе и утащилъ „ерша" въ берлогу; тогда зырякъ срубилъ еще одну ель, и едва онъ запустилъ медвѣдю этого, второго „ерша", какъ въ берлогѣ раздался свирѣпый ревъ, трескъ; собаки бросились въ стороны, но медвѣдь не показывался.

Короткій мигъ общаго замѣшательства... и собаки ринулись въ берлогу, злобно залаяли и выскочили откуда-то съ той стороны, потомъ лай ихъ сталъ удаляться .. Медвѣдь выскочилъ изъ берлоги съ противоположной стороны и ушелъ, скрытый густой чащей.

— Эхъ, сатана-лѣшакъ, ушелъ, вѣдь, звѣрь-то!

Лай собакъ быстро удалялся, онѣ гнали звѣря.

— Прозѣвали, теперь будетъ намъ хлопотъ недѣли на двѣ.

— Надо попробовать догнать его, снѣгъ глубокій, звѣрю трудно,—предложилъ я.

— Стой-ка, парень, не горячись „оз ко пузо - он пузод" (само не закипаетъ, такъ ужъ не вскипятишь),—остановилъ меня От - Васька,— надо все чередомъ обладить: первое дѣло надо лишнюю одежду снять, чтобы итти было легче,

а потомъ мы пойдемъ за звѣремъ, а Андрей пускай съ нартами, не торопясь, идетъ за нами.

— Вотъ что, братцы, мнѣ оставаться съ вами не съ руки, — сказалъ Никита Григорьевичъ:—у меня дѣла, а, вѣдь, за звѣремъ гоняться придется не день и не два, а можетъ двѣ недѣли, а то и больше, поѣду-ка я лучше домой, а вы и безъ меня управитесь. Тебѣ, Василій, я оставлю мое ружье, вѣдь рогатиной теперь косолапаго не достанешь, а тебѣ, муса морт, не худо со мной одежей смѣняться, ночевать тебѣ придется въ лѣсу, прямо на морозѣ, огня ужъ не разложишь на „слуху" у медвѣдя, а въ твоей кацавейкѣ не то что цыганскій потъ прошибетъ, а и вправду замерзнуть можно, бери-ка мой совикъ *), онъ тебя спасетъ, спасибо мнѣ скажешь.

Взявъ совикъ, я положилъ его на нарты, преслѣдовать медвѣдя въ этой широкой и теплой одеждѣ было немыслимо. Скоро мы простились съ Никитой Григорьевичемъ и, наказавъ Андрею неспѣша слѣдовать за нами съ нартами, тронулись по медвѣжьему слѣду. Тропа, проложенная медвѣдемъ, напоминала глубокую канаву, по которой очень удобно было нашимъ собакамъ поспѣвать за звѣремъ. Часа

---

*) Совикъ широкій длинный балахонъ изъ оленьяго мѣха, сшитый шерстью наружу, онъ надѣвается поверхъ малицы или рубашки изъ мѣха оленя шерстью внутрь, къ совику пришивается башлыкъ и рукавицы.

четыре шли мы по слѣду и не слыхали лая — видимо медвѣдь сгоряча шелъ быстро и далеко увелъ собакъ. Наконецъ, откуда-то впереди сталъ доноситься хриплый отчаянный лай, иногда его покрывала густая октава медвѣдя. Заслышавъ этотъ концертъ, От-Васька сказалъ:

— Припустимъ сильнѣй, — и дѣйствительно припустилъ такъ, что я едва поспѣвалъ за нимъ.

Лай дѣлался все ближе и ближе, мы неслись такъ быстро, какъ только могли, и все же еще нескоро достигли того мѣста, гдѣ собаки начали задерживать звѣря. Снѣгъ мѣстами былъ такъ утоптанъ, какъ будто на немъ топталось цѣлое стадо, видно медвѣдь, утомленный бѣгствомъ по глубокому снѣгу, отбивался здѣсь отъ назойливыхъ собакъ. Наконецъ, впереди мы увидали и его: необычайно крупный, почти черной масти съ громадной лобастой башкой, онъ яростно отбивался отъ собакъ и пускалъ такія октавы, отъ которыхъ у меня на спинѣ забѣгали мурашки и волосы зашевелились подъ шапкой.

— Заходи впередъ, да смотри, не кажись ему,—шепнулъ мнѣ Отъ-Васька:—а я подберусь со слѣда.

Я свернулъ въ сторону, сдѣлалъ небольшое закругленіе и вышелъ впереди медвѣдя. Вскорѣ со стороны От-Васьки грянулъ выстрѣлъ; медвѣдь рявкнулъ еще громче и снова пустился наутекъ. Ко мнѣ подошелъ От-Васька.

— Эка невзгода, не въ добрый часъ, видно,

поѣхали, сегодня ужъ намъ его не видать, пойдемъ-ка теперь потихоньку.

До самыхъ сумерокъ брели мы слѣдомъ и не слыхали лая собакъ, наконецъ, остановились, нарубили сучьевъ и развели небольшой огонь; я въ изнеможеніи прилегъ у огня на еловыя вѣтви, а От-Васька началъ заготовлять дрова на долгую зимнюю ночь. Часа черезъ полтора, два насъ догналъ Андрей съ нартами и провизіей, и мы занялись приготовленіемъ обѣда.

Послѣ ѣды я залѣзъ въ совикъ и быстро заснулъ.

Проснулся я ночью оттого, что кто-то тронулъ мое плечо; высунулъ голову—смотрю, около меня стоитъ Снѣжокъ, бѣжавшій съ поля битвы. Я далъ ему немного хлѣба, но Снѣжокъ отказался отъ ѣды и, свернувшись клубкомъ, легъ около меня; тогда я привязалъ его на сворку, а самъ, вставъ на лыжи, пошелъ посмотрѣть впереди.

Полная луна смотрѣла съ яснаго, звѣзднаго неба; снѣгъ на землѣ и деревьяхъ искрился безчисленными синеватыми огоньками; высокія мрачныя ели, засыпанныя хугой (снѣгомъ) стояли, какъ въ заколдованномъ снѣ, и нѣжныя бѣлоствольныя березки дрогли въ жуткой тишинѣ лунной зимней ночи; на снѣгу словно неразгаданныя волшебныя письмена лежали безчисленныя тѣни, и ни звука, ни шороха, какъ будто и не знаетъ ничего этотъ лѣсъ и эта ночь о трагедіи, что разыгрывается здѣсь

при нашемъ участіи: звѣрь, спасающій свою шкуру, три человѣка и три пса, преслѣдующіе его... Слѣдовъ Лютры и Ласки нигдѣ не было видно, и я безпокоился за ихъ участь, но вотъ до меня долетѣлъ какой-то шорохъ со стороны тропы, и вскорѣ показались и собаки. Онѣ, видимо, страшно устали и бѣжали тихо, высунувъ языки. Привязавъ ихъ, я снова улегся; товарищи мои безмятежно храпѣли, От-Васька выводилъ носомъ такія рулады и пускалъ такія трели, что даже сдѣлалось завидно. Утромъ, придерживая собакъ на своркахъ, мы начали преслѣдовать медвѣдя.

— Вотъ что, парень, надо итти осторожно, потому что звѣрь лежитъ „на слуху“ и какъ только зачуетъ насъ, такъ и прощай опять, непремѣнно уйдетъ,—предостерегалъ меня От-Васька.

Однако, какъ мы осторожно ни вели себя, въ этотъ день намъ видѣть медвѣдя такъ и не удалось — онъ шелъ напроломъ и ложился дѣйствительно „на слуху“, не подпуская насъ близко, не видали мы медвѣдя и на третій день.

— Видно, звѣрь-то бывалъ въ передѣлкахъ—умѣетъ удирать, великъ и страшенъ, а драться не охочъ, знаетъ, чѣмъ пахнетъ,—говорилъ От-Васька.

— Отъ этого звѣря сколько народа плакало,—вставилъ Андрей.

— Не одного крестьянина онъ безъ коровъ оставилъ, всю осень пакостилъ, проклятый.

— Ну, да ему все равно не отвертѣться, убьемъ.

Долгія зимнія ночи проходили у насъ скоро, такъ какъ за день, пройдя не одинъ десятокъ верстъ, мы сильно уставали и были рады этимъ длиннымъ ночамъ. Нерѣдко От-Васька пускался въ разсказы о своихъ прежнихъ охотахъ на медвѣдей; послѣ стаканчика чистаго спирта, который мы имѣли въ нашихъ запасахъ, онъ дѣлался необычайно краснорѣчивъ и увлекался до того, что начиналъ самъ изображать медвѣдя, становился на четвереньки, поднимался затѣмъ на дыбы, какъ это дѣлаетъ Топтыгинъ,— словомъ, разсказы его были очень убѣдительны, даже наглядны. И въ какихъ-какихъ передѣлкахъ не былъ От-Васька: одинъ медвѣдь, раненый имъ, едва не сгребъ его за лыжу и не втащилъ въ берлогу, другой, какъ соломинку, перекусилъ древко рогатины и, сваливъ От-Ваську, ударомъ лапы едва не сломалъ ему спину; хорошо еще, что у охотника была берестяная катомка съ хлѣбомъ, она-то и приняла на себя всю силу Мишкинаго удара и тѣмъ спасла От-Ваську отъ неминучей смерти.

Наконецъ, на четвертый день намъ удалось „обойти“ медвѣдя, онъ лежалъ въ чащѣ ельника и пихтовника около большого оврага, полнаго всякаго бурелома и валежника. Подойдя къ предполагаемой лежкѣ звѣря, мы снова раздѣлились. От-Васька зашелъ впередъ, а я съ собаками сталъ осторожно подвигаться

по слѣду и, подойдя къ самой чащѣ, спустилъ лаекъ. Вскорѣ послышался ихъ злобный лай, а потомъ ревъ медвѣдя, и, наконецъ, шагахъ въ двадцати отъ меня изъ чащи высунулась его лобастая башка съ злобно сверкающими маленькими глазками; онъ ревѣлъ и отмахи-

вался отъ насѣдавшихъ собакъ. Ожидая, когда медвѣдь покажется мнѣ всей тушей, я медлилъ и не стрѣлялъ, и въ это время ко мнѣ незамѣтно подобрался От-Васька.

— Какъ встанетъ на дыбы—бей,—тихо шепнулъ онъ, а черезъ нѣсколько секундъ оба наши выстрѣла слились въ одинъ, и медвѣдь рухнулъ съ какимъ-то хрипомъ.

— Не подходи близко, стрѣляй еще, жи-

вучъ, сатана, того гляди, и мертвый бѣды натворитъ!

Но медвѣдь былъ при послѣднемъ издыханіи, собаки впились въ него мертвой хваткой: Лютра, такъ та просто застыла, словно закоченѣла.

— Ну, съ побѣдой! — От-Васька подошелъ къ звѣрю шага на два и въ упоръ выстрѣлилъ въ ухо.

— Такъ-то вѣрнѣе, а то случается, что оживаетъ: однова Шошкинскій мужикъ началъ съ него шкуру сдирать, а медвѣдь-то ожилъ, да и подмялъ подъ себя, едва товарищи спасли.

Дождавшись Андрея, мы устроили настоящую тризну по покойникѣ Мишкѣ, а затѣмъ От-Васька сталъ свѣжевать тушу, такъ какъ вывезти огромнаго медвѣдя изъ глухого лѣса у насъ не было возможности. Мы рѣшили взять только шкуру, сало да задніе окорока, а всю остальную часть туши бросить въ лѣсу. Снятая шкура отъ хвоста до лба оказалась длиной ровно 18-ти четвертей, т.-е. четыре съ половиной аршина. Звѣрь былъ старый, клыки его были съѣдены и желты, а когти тупы.

Лайки отъ медвѣжатины отказались, видимо, и къ мертвому своему врагу онѣ чувствовали почтеніе, смѣшанное со страхомъ.

Окончивъ работу, От-Васька вынулъ медвѣжье сердце и испекъ его подъ угольями.

— Ну-ка, Юрьичъ, давай закусимъ, старики говорятъ: „кто съѣстъ медвѣжье сердце, тотъ не будетъ бояться медвѣдя“.

Пришлось и мнѣ уважить обычай стариковъ и отвѣдать кушанье храбрыхъ звѣроловovъ; вообще мясо медвѣдя мнѣ понравилось, оно имѣло сильный запахъ и вкусъ дичины. Нашъ обратный путь былъ веселъ — радовала удача, потребовавшая столько трудовъ и лишеній. До керки Педэра мы добрались въ два съ половиной дня—такъ далеко завело насъ преслѣдованіе медвѣдя. Въ починкѣ насъ встрѣтили радостно: не одна хозяйка горько оплакивала свою Пестрянку или Рыженку, погубленную медвѣдемъ, и всѣ обитатели починка собрались въ керку Педэра послушать разсказъ о нашихъ похожденіяхъ.

На другой день я хотѣлъ было уѣхать въ Устьсысольскъ, но Педэръ ни за что не согласился насъ отпустить:

— Гости, отдыхай, гуляй на свадьбѣ!

Дѣлать было нечего, пришлось покориться и остаться праздничать.

Какъ и говорилъ Никита Григорьевичъ, Педэру пришлось праздновать свадьбу своей дочери едва-ли не двѣ недѣли; попировавъ у жениха въ Выльгортѣ, сватья и братья изъ всѣхъ ближнихъ деревень понаѣхали къ Педэру и пировали у него. За столъ насъ сѣло не меньше 50-ти человѣкъ; Педэръ и Анна, по старинному зырянскому обычаю, съ нами не сидѣли, а только прислуживали и угощали: обносили гостей водкой и спиртомъ и домашнимъ пивомъ.

Какихъ только явствій ни наставила на столъ Анна!

Цѣлыя груды шанегъ (ватрушки изъ прѣснаго ячнаго тѣста съ мятой картошкой и кашей) и мазаныхъ ячныхъ пироговъ; чери-нянь (рыбный пирогъ) съ треской, щукой и малосольной харьюзиной, и свѣжая убоина, и каши всѣхъ сортовъ, а въ заключеніе лясъ, зырянское лакомство, изъ сушеной и перемолотой черемухи, нѣчто въ родѣ компота изъ ягодъ.

Педэръ и Анна ходили отъ гостя къ гостю и потчевали:

— Ѣшь еще, или тебѣ не по вкусу наша стряпня?

— Спасибо: сытъ по горло.

— А ты запей пивомъ, да ѣшь еще, вотъ ѣшь рыбу-то изъ пирога, а корочку оставь — ужо ребятишки съѣдятъ.

— Нѣтъ, спасибо, сытъ по горло,—отнѣкивался гость отъ слишкомъ радушнаго угощенія.

Дождавшись окончанія обѣда, я шепнулъ От-Васькѣ, чтобы онъ шелъ запрягать и, какъ ни упрашивали насъ и хозяева и гости погостить еще, мы вечеромъ выбрались изъ гостепріимнаго Човскаго починка и только къ утру добрались до Устьсысольска.

Князева М. А.

*Природа. Первое знакомство съ животными и ихъ бытомъ. Подъ редакціей проф. К. Э. Линдемана. Часть *I. Ц. 45 к. Часть *II—40 к.

Природа. Первыя понятія о физическихъ явленіяхъ. Подъ редакціей В. Д. Соколова. Ц. 30 к.

*Природа. Первыя понятія по землевѣдѣнію. Подъ редакціей В. Д. Соколова. Ц. 35 к.

В. Короленко.

*Рѣка играетъ. Ц. 12 к.

М. А. Крылова.

Старый Кіевъ. Изъ жизни славянъ на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

К. Лукашевичъ.

*На большой дорогѣ Ц. 20 к.
*Баринъ и слуга. Ц. 25 к.
*Ужасные дни. Ц. 25 к.
*Холодное сердце. Ц. 60 к.
*Мишка. Ц. 15 к.
*Журка. Ц. 15 к.
*Болтливая рѣдька. Ц. 15 к.
*Воришка. Ц. 15 к.
*Три корзиночки земляники. Ц. 20 к.
*Сказка о 2-хъ х[illegible]бныхъ зернышкахъ Ц. 15 к.
*Грачи прилетѣли. Ц. 15 к.
Артюшка и Гаврюшка. Ц. 25 к.

[illegible]. Любичъ-Кошуровъ.

У себя на дачѣ. Ц. 10 к.
Ночная жизнь. Ц. 10 к.

[illegible]. Михеевъ.

*Фрося и Пестрянка. Ц. 25 к.
*Въ школьной ночлежной. Ц. 25 к

[illegible]изгирь.

Петюнька-хлопецъ. Ц. 20 к.

[illegible]. Некрасова.

Няня Аксюша. Ц. 25 к.

[illegible]. Позняковъ.

*Канцеляристъ. Ц. 25 к.
Кица. Ц. 20 к.
*Въ сельской школѣ. Ц. 15 к.
*Дѣти золот. глуши. Ц. 20 к.
Амишка на разд. Ц. 25 к.
*Плѣнники. Ц. 20 к.
*Первое горе. Ц. 15 к.
*Въ чемъ сила. Ц. 7 к.
*Росянка. Ц. 7 к.

Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ редакціей **А. А. Ивановскаго.**

*Буряты. Ц. 10 к.
*Якуты. Ц. 15 к.
*Амурскій край. Ц. 10 к.
*Прибалтійскій край. Ц. 10 к.
*Чукчи. Ц. 10 к.
Великоруссы. Ц. 30 к.
*Аварцы. Ц. 10 к.
*Киргизы. Ц. 20 к.
Самоѣды. Ц. 10 к.
*Остяки. Ц. 10 к.
*Вотяки. Ц. 10 к.
*Курды. Ц. 10 к.

Русскія сказки. 6 выпусковъ Ц. каждаго по 15 к.

М. Свободинъ.

*Скворцы. Ц. 10 к.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Пер. съ франц. К. Б. Ц. 25 к.

К. Станюковичъ.

***Вокругъ свѣта на Коршунѣ.** Ц. въ папкѣ. 1 р. 75 к.
Похожденія одного матроса. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
***Нянька.** Ц. 30 к.
Въ Индійскомъ океанѣ — 15 к.

В. Г. Танъ.

На озерѣ Лочѣ. Повѣсть изъ жизни первобытнаго человѣчества. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ.

*Елка Митрича. Ц. 25 к.
*Бѣлая цапля. Ц. 20 к.
***Уйда** (перев съ англ. Е. Некрасовой). Снѣгирь. Ц. 20 к.
*Плодовый садъ. Ц. 10 к.

А. Ульяновъ. *(Вѣнчиковъ).*

*Старый башмакъ. Ц. 6 к.
*Корноушка. Ц. 15 к.
*Заячья елка. Ц. 15 к.
*Друзья. Ц. 20 к.
*Волчокъ. Ц. 10 к.
Мышка. Ц. 20 к.
*Вакса и скрипка. Ц. 25 к.
Заяцъ. Ц. 20 к.
*На новой квартирѣ. Ц. 20 к.

И. Шмелевъ.

**На морскомъ берегу. Ц. 50 к.
**Рваный баринъ. Ц 50 к.

В. Фромъ.

*Завоеваніе Мексики. Ц. 5 к
*Константинопольскія собаки. Ц.

М. Юрьева.

*Тетя мама. Ц. 15 к.

*Снѣгурочка. Ц. 50 к.

*Павликъ. Ц. 20 к.

Книга разсказовъ и стихотвореній.

Л. Андреевъ, И. Бѣлоусовъ, И. Бунинъ, Сергѣй Глаголь, М. Горькій, Е. Гославскій, С. Елпатьевскій, Н Златовратскій, А. Купринъ, Д. Маминъ-Сибирякъ. С. Малаховъ, В. Михѣевъ, А. Мирославичъ, И. Митропольскій, С. Семеновъ, Н. Телешовъ, Н. Тимковскій, Е. Чириковъ, А. Федоровъ. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣй Хатунскій. *Приключенія крестьянскаго мальчика. Ц. 35 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ. 20 января 1914 года № 2585.

„Названный разсказъ написанъ съ теплымъ, сердечнымъ чувствомъ къ крестьянской средѣ, и производитъ въ общемъ доброе впечатлѣніе на дѣтей".

„Вѣстникъ Воспитанія".

— ***„На заработокъ".** Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ—60 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. заведеній. 22 апрѣля 1909 года № 9581.

„Небольшая, богато иллюстрированная, въ красивой обложкѣ, исполненной красками, повѣсть С. Хатунскаго ярко и художественно воспроизводитъ тяжелую жизнь деревенскаго мальчугана, отданнаго на заработокъ въ Москву, къ булочнику. Повѣсть даетъ и знакомство съ жизнью маленькихъ ремесленниковъ и будитъ въ читателяхъ хорошія чувства. Ее съ интересомъ и пользой прочтутъ подростки 12—13 лѣтъ". „Педагог. Листокъ".

„Авторъ просто, но жизненно и правдиво разсказываетъ исторію одного мальчугана, попавшаго ученикомъ въ булочную. Книжка читается дѣтьми съ большимъ интересомъ. Это—страничка изъ жизни, страничка реальная, правдивая и юнаго читателя. Въ нашей дѣтской литературѣ много слащавыхъ разсказовъ про бѣдныхъ, несчастныхъ дѣтей. Книжка Хатунскаго лишена этой слащавости".

Журн. „Для Народ. Учителя".

— **Около волости.** Ц. 85 к. По вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи, для народнымъ библіотекъ и читаленъ.

„Авторъ даетъ очень яркую картину волостного управленія, гдѣ все, отъ послѣдняго сторожа до старшины, пропитано духомъ взяточничества и безсовѣстнаго отношенія къ чужому добру". „Русск. Вѣдом.".

„Авторъ книги хорошій знатокъ деревенской жизни и прекрасный наблюдатель... Книга напечатана крупнымъ шрифтомъ, читается легко и вполнѣ доступна для большого читателя". „Утро Россіи".

„Нужнаго впечатлѣнія авторъ достигаетъ вполнѣ, и потому книга несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія.. Такія книжки всегда были нужны, а въ наше время въ особенности". „Коп.".

— ***„Съ міру по ниткѣ голому рубашка".** Сказочка о голодающихъ дѣтяхъ. Ц. 20 к.

„Голодныя дѣти просятъ ѣсть, а отецъ не знаетъ, гдѣ взять хлѣба. Въ своей деревнѣ просить не у кого, и мужикъ въ метель идетъ въ сосѣднюю деревню... Съ дороги онъ сбился, сѣлъ подъ ель и заснулъ отъ усталости и холода. Его занесло снѣгомъ. Ему снится, что онъ въ гостяхъ у дѣда-мороза, который всѣхъ кормитъ: и дѣтей, и даже голодающую скотину... Занесеннаго снѣгомъ мужика находятъ его односельчане. Объ этомъ случаѣ кто-то сообщилъ въ газеты. На голодающихъ дѣтей устраиваютъ сборъ, и въ деревнѣ появляется столовая. Разсказъ написанъ съ чувствомъ, хорошимъ языкомъ". „Жур Нар. учитель".

***Н. Ѳ. Чеховъ и Н. А. Скворцовъ.**

Родные поэты. Ц. 30 к. Вып. 1.